Сокровище призраков

Автор:
Мария Жукова-Гладкова

Сокровище призраков

Мария Жукова-Гладкова

Марина двадцать раз пожалела, что согласилась на предложение клиентки совершить неравноценный обмен жилья. Тогда ей казалось, такой счастливый шанс выпадает раз в сто лет. Но как выяснилось, с квартирой, владелицей которой она стала, все не так просто. Во-первых, там явно обитают привидения, во-вторых, некто то и дело подбрасывает к двери трупы незнакомых мужчин. А главное – ходят слухи, будто в благословенных стенах спрятан клад, и не один. Поэтому многие отдадут полжизни, лишь бы заполучить квартирку или хотя бы любой ценой попасть внутрь…

Мария Жукова-Гладкова

Сокровище призраков

Автор предупреждает, что все герои этого произведения являются вымышленными, а любое сходство с реальными лицами и событиями случайно.

Глава 1

Жилищный вопрос испортил мне жизнь. Как можно жить в двухкомнатной квартире с мужем и двумя детьми, если одна из этих комнат – моя мастерская? Более того, квартира была в «корабле», с маленькой кухней, правда,

раздельным санузлом. Муж ушел к женщине со своей отдельной двухкомнатной квартирой. Без детей, без животных и без мастерской. Квартира его новой жены находится в монолитном доме улучшенной планировки, построенном в девяностые годы, правда, не для «современной аристократии», как говорится в рекламе. Но в девяностые годы у нас вроде бы еще не говорили про аристократию, в те годы правили бал «малиновые пиджаки». На большую квартиру ни он, ни я заработать не могли. Эту-то мы купили, продав однокомнатную квартиру в «хрущобе», в которой жили мы с мамой, и комнату в коммуналке, в которой жил он с мамой. К сожалению, наших мам больше нет. А пока они обе оставались живы, у нас вообще был гостевой брак. Старший сын родился еще в тот период.

Переехав в новую квартиру (ту самую, из-за которой мы потом развелись), мы на радостях родили еще и дочь. Потом у нас умерла наша старая кошка, дети ревели белугами, я тоже ревела, мы поехали выбирать котенка к одной моей подруге, но сыну понравился один, дочери другой, оба ребенка сказали, что животных должно быть двое, так как одному скучно, и мы оказались еще и с двумя котами. Животным на самом деле весело, как, впрочем, и детям.

Невесело было мне, в особенности, когда муж ушел к другой женщине. С детьми он время от времени встречается (на нейтральной территории), и, по-моему, теперь они видят папу чаще, чем в тот период, когда папа проживал с нами в одной квартире. Папа, кстати, выписался, так что за него коммунальные платежи вносить не приходится, женился на своей новой бабе и прописался у нее. Я никак не могла понять, как она решилась его прописать. Думала, что из-за его благородства по отношению к нам, его первой семье. Потом умные подружки объяснили, что хоть он у нее и прописан, на площадь претендовать не сможет. Квартира приватизирована на нее одну, может хоть десять мужей прописать, но ничего они не получат… Ну, если только докажут в суде, что вложили силы и средства в облагораживание этой самой квартиры, что значительно повысило ее рыночную стоимость. Но мой бывший супруг не в состоянии вложить средства и не в состоянии должным образом поработать руками, так как они у него растут не оттуда, откуда должны расти руки у мужика.

Это я много чего умею делать руками. Я ими деньги зарабатываю. Я леплю и расписываю астрологических зверей (именно так их называют все, кто связан с этим бизнесом), копилки и прочие фигурки, пользующиеся спросом. И мешки с глиной, цементом и гипсом я научилась на себе таскать, теперь даже во дворе никто не удивляется… Правда, бабушки иногда говорят, что не могут смотреть

на меня без слез. Я отвечаю, что таким образом экономлю на фитнес-центре, открывшемся у нас неподалеку и регулярно развешивающем у нас рекламу. Тяжелые мешки для меня – это рабочий материал, тренировка тела и экономия денег, которые я смогу потратить на семью.

Вообще-то я по специальности инженер, но еще в детстве мама отвела меня в кружок художественной лепки, потом я окончила школу молодого скульптора (которой, к сожалению, уже давно не существует) и теперь зарабатываю этим делом на жизнь. У меня есть постоянные заказчики, для которых я и леплю и расписываю продукцию в больших объемах, иногда приходят индивидуалы, которым нужен подарок, существующий в единственном экземпляре. Мне и надгробные памятники приходилось делать по индивидуальному заказу, но такая работа выпадает редко, а самой ни на какое кладбище не пристроиться – все теплые места заняты. Я радуюсь тому, что есть.

Естественно, с такой работой мне требуется мастерская. Снимать дорого, купить не могу, заказчики местом работы не обеспечивают, поэтому и тружусь дома. В последний год нашего совместного проживания бывший муж с трудом сдерживался, чтобы не разбить ждущих заказчиков зверей, выстроившихся на полках и на полу стройными рядами. Не разбил ни разу только потому, что понимал: мы живем на эти деньги. Сам он тоже инженер, в последний год нашего брака трудился курьером и на этой работе познакомился со своей новой бабой. То есть, как я понимаю, это она его прихватила. Теперь он что-то делает в ее фирме. Скорее всего – мальчик на побегушках, шофер, курьер и охранник в одном лице. На алименты я официально не подавала, но он на самом деле не забывает о детях и что-то им регулярно покупает. А вообще мне мама с детства вдалбливала, что в жизни можно рассчитывать только на себя. Я и рассчитываю, и бывший знает, что рассчитываю. Но детей любит. Я никак не препятствую этой любви. Он все равно остается их отцом, несмотря на наш развод. Да и развод не был бурным, я все понимала… Может, следовало за него побороться, но я была такой усталой… И я понимала, что и он устал от жизни в этой квартире, половину которой занимает мастерская, от тазов и чанов с разведенным материалом, от невозможности поехать в отпуск на море, вообще от отсутствия отпуска на протяжении многих лет, от постоянной борьбы за существование, от зарабатывания на то и на это…

Признаюсь честно: мне стало легче после развода. Иногда накатывала грусть из-за того, что рядом нет мужчины, но мне теперь стало не нужно беспокоиться еще и о муже, о том, что его нужно прилично одеть на интервью у нового

работодателя, о том, что ему сготовить с его язвой, о том, что мне нужно оторваться от выполнения срочного заказа, чтобы встретить его с работы и пообщаться… Нового мужчину было искать лень. И времени лишнего нет. Но – главное – не хотелось тратить силы еще и на это. А я прекрасно знаю, что мужчина отнимает много сил – и физических, и душевных.

Теперь мне проще. Дети едят все – только бы побольше. Сын прекрасно справляется с походом в магазин со списком, иногда с ним ходит дочь, и они еще что-то регулярно получают в подарок на различных рекламных акциях, которые проводятся в ближайшем к дому супермаркете. На последний день рождения они мне подарили очень приличную футболку, полученную за купленные йогурты, которые и так собирались покупать. Они молодцы! Они убирают квартиру (насколько ее вообще можно убрать), легко освоили стиральную машину, разогревают еду в микроволновке… Сын даже помогает мне с обжигом изделий в великолепной американской электрической печке. Эта печка – самая дорогая вещь в нашем доме. Сколько я на нее работала! Я раньше не могла поверить, что можно любить вещь. Любят маму, мужа, детей, домашних животных. Но я люблю и свою печь. Она – моя верная помощница. Без нее работы было бы гораздо меньше. Вообще до появления это печки в нашей квартире астрологические звери были приработком, часто я получала в работу уже готовые болванки и только их раскрашивала. С печкой я беру на себя весь процесс и изделия получаются очень качественные. Я смогла работать с современными массами и пастами, которые идут в обжиг. Изделия из них – самые дорогие.

Я работаю ночью (поскольку я сова) не меньше, чем до пяти утра, а то и до того времени, как деток надо будить в школу, днем сплю, потом готовлю, вечером успеваю проверить уроки, пообщаться с сокровищами – и снова за работу. Все довольны. А разве с мужем можно было жить в удобном для меня графике, в особенности если он работал традиционный рабочий день?

Дочь спит со мной в комнате, сын – в коридоре. Его кровать очень удачно вписалась в нишу и складывается вертикально. При взгляде на эту поднимающуюся кровать я радуюсь, что закончились советские времена и теперь при желании, наличии денег и возможности потратить энное количество времени можно найти любую мебель (одежду, обувь, посуду и прочее) – то есть именно то, что тебе требуется. При опущенной кровати по коридору ходить не будешь – только в случае крайней необходимости (поэтому я и работаю до того времени, как нужно будить детей), а в сложенном виде она совсем не мешает.

Коты проводят со мной время в мастерской, обожают лежать на печке, потом вместе со мной укладываются спать. Тазы и чаны с материалом их давно не интересуют, и уж они-то точно рады уходу моего бывшего мужа – раньше они не могли делить со мной ложе.

Клиентов прошу приходить во второй половине дня – к тому времени, как просыпаюсь. Правда, большая часть индивидуалов в любом случае предпочитает вечер или выходные, а мой главный работодатель Петя, владелец нескольких сувенирных лавок и уличных точек у достопримечательностей города, просыпается не раньше двенадцати. Он обычно приезжает часа в три, а то и в четыре с помощником и тарой, в которую они грузят мои поделки. Петя рассчитывается со мной на месте (отдать должное, ни разу не обманул), делает новый заказ и уезжает. Петя в прошлом художник, но вовремя понял, что на художественной стезе его ничего выдающегося не ждет, и подался в бизнесмены, правда, в некотором роде остается в профессии. На него работают люди, которых он знает много лет и которые поняли, что им нужно кормить семью, а не стремиться стать новым Малевичем или Мухиной. Он просит только знакомых мужиков предупреждать его, если чувствуют, что вот-вот уйдут в запой. Запой у него считается уважительной причиной для отсрочки сдачи заказа. Петя сам запойный. Меня он очень ценит, потому что не пью. А я просто люблю Петю – как друга, коллегу и хорошего человека. Несмотря на периодически случающиеся запои, у Пети успешный бизнес, правда, его подстраховывают заведующие лавками (все – женщины того возраста, в котором у нас не любят брать на работу). Эти женщины тоже любят Петю, хотят и дальше на него трудиться, поэтому все шестеренки продолжают крутиться и запущенный механизм работает постоянно.

Одной из Петиных лавок заведует моя родственница – в некотором роде. Познакомившись с Ларисой, я поняла, насколько тесен мир. Отец моего бывшего мужа ушел из семьи, когда мужу было лет десять, и снова женился – на Ларисе, с которой и прожил до самой смерти. То есть они вначале уехали куда-то на Север зарабатывать деньги, потом вернулись, но тут уже сын не пожелал видеться с отцом. Возможно, поэтому мой бывший регулярно встречается с нашими общими детьми. Он знает, чего ему не хватало. Мой отец рано умер, мама больше замуж не вышла.

Услышав мою фамилию Шипулина, когда я один раз приехала в лавку с небольшим количеством изготовленных поделок, Лариса спросила про моего мужа. От нее я узнала, что ее собственный муж недавно умер от рака, детей у

них не было, живет она одна и, как я поняла, очень одинока. Спасается на работе. По профессии она бухгалтер. Я пригласила Ларису к нам, мой муж был с ней вежлив, но не более того. А мы подружились, несмотря на пятнадцать лет разницы в возрасте. И дети ее любят, она у нас в некотором роде исполняет роль бабушки. А то у всех одноклассников моих детей есть бабушки и дедушки хоть в каком-то количестве, а у нас не было никого. После моего развода мы с Ларисой стали общаться гораздо больше.

В тот день я проснулась в начале третьего, приняла душ и пила свою первую чашку кофе, когда позвонила Лариса. К ним в лавку зашла женщина, которой требовалось купить какой-то оригинальный подарок коллеге по работе. Коллеге исполнялось сорок лет. Лариса вспомнила обо мне, решила сделать доброе дело всем – и примерно через полчаса клиентка уже сидела у меня в мастерской. Я отметила про себя, какие у нее грустные глаза.

Осмотрев ряд животных разных размеров, она впервые улыбнулась. Только глаза так и остались грустными.

– А я видела ваши поделки в разных местах. И ваш дракон у меня есть. И змея, и бычок. Ой, а вы и лягушек делаете?

Я пояснила, что лягушки, которые не являются астрологическими зверями, почему-то пользуются огромным спросом, причем как крохотные, так и более внушительных размеров. Максимальный размер зависит от размера используемой печки. Я кивнула на свою, так сказать, портативную (если такое слово применимо к печке). Но ведь она по виду и размеру в самом деле скорее напоминает микроволновку, чем традиционную русскую печь. Клиентка заказала большую лягушку-копилку и шесть маленьких лягушат, чтобы поставить вокруг нее. Я увидела эту картину мысленным взором и в тот же вечер приступила к работе.

Лягушки получились замечательными, клиентка даже позвонила и сказала, что юбилярша осталась очень довольна. Потом она пришла еще раз, заказала кому-то оригинальную вазу, в третий визит уже заказывала астрологических зверей с дарственными надписями своим знакомым. Грусть из ее глаз не уходила никогда.

Во время ее очередного визита мы с Соней (так звали клиентку) долго разговаривали за кофе. Она прекрасно видела, в каких условиях я живу, понимала, чем я зарабатываю на жизнь, заинтересовалась поднимающейся к стене кроватью сына. Она расспросила меня о разводе, о родственниках, а потом внезапно предложила съездить посмотреть ее квартиру.

– Зачем? – спросила я. – Вы хотите, чтобы я сделала для вас какие-то скульптуры? Чтобы взглянула взглядом скульптора и…

– Нет, – перебила меня Соня. – Я хочу вам предложить поменяться.

– На что?

– Поедемте и вы сами посмотрите.

Глава 2

Квартира оказалась в старом доме на Петроградской стороне – четырехкомнатная, с большой кухней и «темной», использовавшейся как кладовка.

– Вы предлагаете поменять мою двушку в «корабле» на эту квартиру?! Но у меня нет денег на доплату! Нет и, боюсь, никогда не будет.

– Я не прошу у вас доплаты, Марина, – сказала Соня. – Я просто не хочу и не могу здесь жить.

Я открыла от удивления рот.

– Пойдемте теперь ко мне на кухню, выпьем кофе, и я расскажу вам, почему хочу отсюда уехать.

Кухня явно была самым любимым местом Сони в этой квартире. Она была очень любовно оборудована – и полностью доделана. Две комнаты из четырех стояли

пустые, то есть в них не было ни одного предмета мебели, правда, ремонт там успели закончить. В спальне имелись огромная кровать, две тумбочки у изголовья и шкаф-купе. На одной из них лицом к кровати стояла большая цветная фотография красивого мужчины в черной рамке. На стене напротив кровати висела плазменная панель.

Гостиную до конца не доделали. Там имелись большой стол и два посудных шкафа. Внимание привлекал красивый камин, выложенный изразцами и закрытый декоративной решеткой. Также камин имелся и в одной из пустых комнат. Решетка там отсутствовала. То есть, насколько я поняла, по изначальному проекту печи в комнатах должны были работать на два помещения каждая. Из одного ее топили, но тепло распространялось и на второе, в котором часть печи составляла часть стены. Только топили их в прошлом или даже позапрошлом веке, теперь имелось центральное отопление. Камины оставили как элементы декора, вероятно, подреставрировав, а стены покрыли панелями.

В углу кухни висел столитровый водогрей, так как горячую воду в этот дом так и не провели. В советские времена тут работали газовые колонки, а когда в период и после перестройки квартиры скупили обеспеченные граждане, они от газовых колонок отказались и установили водогреи. Газ был.

При осмотре квартиры Соня сообщила, что в комнатах камины нерабочие, но ей говорили, что при желании это можно исправить, а в кухне печь можно затопить, правда, она этого ни разу не делала. Многие жильцы этого дома и других подобных установили в каминах некое подобие пламени, работающее на электричестве и включающееся по желанию. Правда, Соня этого сделать не успела, но мне назвала адрес специализированного магазина, где продается все для каминов, сами камины и имеются мастера, которых можно вызвать в любое удобное для клиента время. От живого пламени многие отказываются – после нескольких несчастных случаев, о которых известно в определенных кругах, далеких от простого народа. «Электрическое пламя» безопасно, а за решеткой сидящим за столом оно кажется настоящим. Еще и специальный ароматизатор можно купить (в том же магазине), создающий впечатление, что рядом горят дрова.

– А потрескивает? – спросила я.

– Не знаю, – ответила хозяйка. – Я же не стала устанавливать систему. Но думаю, что да. Подобные вещи заказывают только обеспеченные люди, с высокими требованиями к качеству выполняемых работ. Фирма должна была что-то придумать.

Соня сообщила, что раньше в кухне имелась не только печь, выложенная плитками, но и плита, на которой в старые времена готовили и которую топили дровами. Плиту убрали до Сони – кто-то из предыдущих жильцов. Хотя она бы тоже убрала. В квартире сверху плита осталась. Я потом смогу сходить посмотреть. Вроде ее используют как стол, положив сверху доску и застелив клеенкой.

Соня сварила кофе, поставила на стол печенье и конфеты и села напротив меня. Я ждала объяснений.

– Вы видели в спальне фотографию моего мужа, – утвердительно сказала хозяйка, не ожидая от меня ответа. На глаза у нее мгновенно навернулись слезы, но она их быстро смахнула. – Я не могу здесь жить без него…

– Но… – открыла рот я.

Соня попросила выслушать ее до конца и рассказала свою грустную историю. То есть это была история счастливой любви с печальным концом.

У нее был удачный брак, муж одновременно был другом и любовником. Оба выросли в детском доме, так что, можно считать, были знакомы с детства и всю жизнь прошли бок о бок. На вид я дала бы Соне лет тридцать семь, то есть на пару лет старше меня. После детского дома и муж, и она получили по комнате в коммуналке, поженились, сменяли две комнаты на однокомнатную квартиру. Муж занялся бизнесом, Соня стала ему помогать, все складывалось успешно.

– Я продолжаю наше общее дело, – сказала Соня. – С головой ушла в работу – и это как-то помогает мне выжить. Хотя признаюсь: жить не хочется. Очень поддержали коллеги по работе, да и не могу я оставить людей на улице.

– А какой у вас бизнес? Если я, конечно, могу спросить…

– Агентство недвижимости. Небольшое, но созданное с нуля и работающее до сих пор. Мы занялись этим делом ради улучшения своих жилищных условий. Переехали вначале в одну квартиру, потом в другую. Мы с самого начала хотели иметь много детей – и обеспечить им нормальные условия жизни, родительскую любовь, то есть все то, чего сами были лишены. Но вначале требовалось создать условия, заработать денег…

Соня вздохнула, встала, открыла шкафчик, достала початую бутылку коньяка, рюмки, разлила и, не дожидаясь меня, выпила.

– Я никак не могла забеременеть, мы три раза делали ЭКО, и с третьего раза получилось. Как раз тогда подвернулась эта квартира. То есть она проходила через наше агентство, муж решил ее взять, быстро продал нашу предыдущую, мы переехали сюда, как раз собирались заняться детской…

– Как он умер? – тихо спросила я.

– Его убили. Зарезали ножом в подъезде. Обчистили карманы, забрали все деньги, мобильный. Документы, правда, оставили. Я сомневаюсь, что хотели зарезать именно его, наверное, просто поджидали кого-то из жильцов. Хотя вроде бы подъезд с домофоном…

«Разве он спасет? – подумала я. – Это честным гражданам не пройти в подъезд, если они забыли ключ, а преступники и разносчики рекламы почему-то всегда проходят с завидной легкостью».

– После убийства моего мужа наши жильцы обсуждали, не посадить ли внизу консьержку, но отказались от этой мысли. Не захотели тратиться, причем против выступили самые богатые. Понимаете, если уж делать, то нужно оборудовать будку, пуленепробиваемое стекло на входной двери – чтобы было видно, кто хочет войти, подсветку, переговорное устройство, связь с ближайшим отделением милиции или какой-то охранной конторой. И консьержке надо каждый месяц платить. Просто сажать бабушку на стульчик бессмысленно. В общем, хотя гром и грянул, но не над моими соседями.

«Если тебе на роду написано быть повешенным, то не утонешь», – подумала я. Вероятно, эти люди живут по такому принципу.

– Кто нашел вашего мужа? – спросила я вслух.

– Я. Он давно должен был быть дома. Если он почему-то задерживался, то всегда звонил. Я подумала, что он попал в аварию – был гололед. Мобильный не отвечал. Я обзвонила больницы, потом морги, потом позвонила в милицию. Догадываетесь, что мне там сказали? – Соня горько усмехнулась. – В общем, я спустилась вниз, вышла на улицу и увидела его машину. То есть он приехал и не дошел до дома! Потом оказалось, что до квартиры…

– Машина была закрыта?

– Да. Ключи так и не нашли и – удивительно – ее так до сих пор и не угнали. Стоит все на том же месте. Могу показать на обратном пути. Я-то на другой езжу. Ну а в тот вечер я отправилась на поиски мужа.

В подъезде было две двери. Одна, парадная, выходила на проспект, человек попадал в довольно просторный холл с широкой лестницей. Еще в советские времена здесь установили лифт. Вообще дом был пятиэтажным с мансардой. На первом этаже работали магазины со своими входами. Как сказала Соня, владельцы замуровали двери на первых этажах. То есть к ним с лестницы было не попасть. Жилые квартиры находились со второго по пятый. Квартира Сони располагалась на четвертом этаже. В мансарде то шел ремонт, то все стихало. Вроде ее уже несколько раз перепродали. Под лестницей имелся выход во двор, как правило, закрытый. У всех жильцов от него были ключи (так как через него выходили к помойке во дворе), но все обычно дверь за собой запирали, чтобы в подъезд не лезли бомжи. Но в ту ночь он оказался открыт.

Муж Сони лежал перед той дверью. Из холла его было не видно.

Она потеряла сознание, но ее ноги увидел сосед, поздно возвращавшийся домой, вызвал милицию и «Скорую». Очнулась Соня в больнице и поняла, что потеряла не только мужа, но и ребенка.

– Больше я не смогу иметь детей, – сказала она и выпила еще коньяка.

– Но вы можете взять ребенка из детдома, в особенности если вы сами…

– Нет. И не говорите мне, что я еще выйду замуж, встречу другого человека, буду счастлива и все в таком роде. На себе нельзя ставить крест, надо жить дальше. Я это все уже прослушала неоднократно, причем с исполнением на бис. В теории я сама все это прекрасно знаю, но если именно с вами случается такое…

Соня еще выпила, я же все крутила в руке первую рюмку.

– В общем, я не могу жить в этой квартире, – сказала она твердым голосом.

– А ваша предыдущая?.. Нельзя отмотать сделку назад?

– В той я тем более не хочу жить. Я не могу жить ни в одном месте, где была счастлива с мужем, где все пропитано его духом, где он касался каждой вещи… Я вспоминаю, как он… Нет, не буду.

Она снова смахнула слезы с глаз и посмотрела в окно.

– Но моя квартира… – открыла рот я.

– Марина, не так давно мы с мужем купили небольшой загородный дом. То есть это я купила – думая о ребенке. Потом подвернулась эта квартира. Муж не хотел и не собирался жить за городом, а мне всегда хотелось… Я помню, как в детстве, пока родители были еще живы, меня на лето отвозили к бабушке в деревню… К сожалению, я не помню названия деревни. Возможно, у меня и остался кто-то из родни, пусть троюродные, пусть четвероюродные… Но найти их нереально. Мебель из предыдущей квартиры мы перевезли в тот домик. Эту решили обставлять заново, но не успели… Я и сейчас в выходные живу в том домике, только оттуда неудобно ездить на работу. А на работе я нахожусь с утра до позднего вечера. То есть мне городская квартира нужна лишь для того, чтобы спать в будние дни. Ем я на работе – когда ем. Я ничего не готовлю после смерти мужа, только пью кофе. Мне не нужна такая большая квартира, мне трудно в этой квартире… К тому же… Нет, вы посчитаете меня сумасшедшей…

– Вам кажется, что иногда ваш муж возвращается сюда и разговаривает с вами?

Соня вскинула голову.

– У вас такое тоже было?! Вы же разведены!

– После смерти мамы мне неоднократно казалось, что она рядом, или, по крайней мере, в квартире со мной. И до сих пор, когда мне нужен совет, я мысленно обращаюсь к ней перед сном и, как правило, получаю во сне ответ или какую-то подсказку. Вы не сумасшедшая, Соня. Я думаю, что существует параллельный мир, в котором живут люди, которых мы любили и которые любили нас – или их души, или я не знаю, как выразиться. Они помогают нам, в особенности, когда мы их об этом просим. Ваш муж тоже находится рядом с вами, то есть его дух, или какая-то субстанция, или он просто посылает вам импульсы… Может, наоборот, вам не стоит отсюда уезжать?

– Стоит, – твердо сказала Соня. – Мне кажется, что здесь я схожу с ума. То половицы скрипят, то голос, словно из подземелья… Я на самом деле здесь свихнусь. В загородном доме ничего такого не происходит. А вы готовы слушать моего мужа? – Соня грустно усмехнулась. – Не боитесь привидений?

– Я не думаю, что он станет общаться со мной – ведь мы не были знакомы при жизни. Я думаю, что если мы с детьми и кошками переедем сюда, то дух вашего мужа отсюда исчезнет. Может, он тогда будет просто разговаривать с вами во сне, если вы его о чем-то попросите.

– Хорошо бы только так… Да, еще тут соседи настырные. Или это мне так пытаются выразить сочувствие? Шастают и шастают. Что-то предлагают сделать… И как только мы переехали – все время что-то предлагали.

– Может, из лучших побуждений?

– Не исключено, что так. Не знаю. Меня они раздражают. Ну, согласны? Я оформлю сделку через свое агентство.

– Но, Соня, это же такие деньги! – опять попыталась возразить я. – Разница между стоимостью вашей квартиры и моей…

– У меня достаточно денег, я теперь на самом деле не знаю, куда их девать. Наши мечты сбываются… Я с детства мечтала, чтобы у меня было много денег – настолько много, что я не буду знать, на что их потратить. Мечта сбылась. Но мне теперь это просто не нужно! Так что мечтайте осторожно, Марина.

– Но почему вы выбрали меня? Вы же меня совсем не знаете…

– Все сотрудницы моего агентства уже решили жилищную проблему. Именно из-за нее они и нанимались на эту работу. А увидев вас, вашу квартиру, расспросив о вас Ларису, благодаря которой мы и познакомились, я поняла, что могу кому-то сделать добро. Ну, меняемся?

– Меняемся, – сказала я.

Глава 3

Помочь с переездом я попросила своего главного заказчика Петю.

– Ты чего, дура? – спросил старый друг после того, как внимательно меня выслушал. – Марина, ты хоть немного соображаешь?!

Я хлопнула глазами, так пока и не выйдя из состояния эйфории.

– А если это разводка? И ты останешься вообще без жилья? С двумя детьми на руках? У тебя даже мастерской нет, чтобы, в крайнем случае, туда переехать. Эта квартира – твое единственное жилье! Вообще твоя единственная собственность. Ты хоть о детях подумала?

Я стояла с открытым ртом. Вообще-то я как раз о детях и думала – чтобы у каждого было по комнате, у меня мастерская и спальня… без гостиной обойдемся. Я клиентов буду принимать в мастерской или на кухне, подруг на кухне, ведь она в той квартире в несколько раз больше моей.

– Маринка, ты баба жалостливая, я с тобой не первый день знаком. А ты что про эту Соню знаешь? Лариске я накручу хвост за то, что тоже уши развесила. Кто эта баба? Она с улицы зашла в лавку, никто из нас ничего про нее не знает – только то, что она тебе сама рассказала.

– Но про меня-то она тоже ничего не знала до появления в лавке! Кто я, чтобы меня подставлять?

– Владелица двухкомнатной квартиры в Петербурге.

– Но эта квартира…

– Метр стоит тысяч пятьдесят, если не шестьдесят. Сколько их тут у тебя? Сорок квадратов будет или даже побольше? Вот и посчитай. А баба – владелица агентства недвижимости. Да, для нее это дешевая квартира, но курочка по зернышку клюет. Сделка будет оформлена так, что комар носа не подточит, ты добровольно откажешься от всех прав на эту квартиру, переедешь в ту – и тебя через некоторое время из той квартиры выпрут. Или окажется, что в ней еще кто-то зарегистрирован. Придет какой-нибудь только что освободившийся уголовник, который как раз из нее отправился в места не столь отдаленные, и заявит свои права.

– Что мне делать, Петя? – шепотом спросила я.

– Ты уже все подписала или нет?

– Остался последний этап и…

– Ну, слава богу! Значит, еще можно отмотать назад. У меня на Петроградке много знакомых ментов – я же точки держу у Петропавловки и сувенирная лавка есть. Сейчас позвоню ребятам – и поедем. Попрошу помочь. Да и если они поймают мошенницу за руку, то будут только рады. Раскрытое дело, а то и несколько, ну и вообще…

Петя сел за телефон, я в состоянии прострации смотрела в стену. Потом друг рекомендовал мне принять коньячку на дорожку, но я не хотела ехать в милицию после принятия внутрь алкоголя. Еще не хватало, чтобы от меня пахло!

* * *

Двое Петиных знакомых нас уже ждали. Говорил Петя, потом я добавила детали.

– Значит, вон оно как получилось… – задумчиво произнес один из мужиков и посмотрел на другого.

– Вы знаете эту бабу? – тут же спросил Петя.

– Мы знаем это дело, – ответили его приятели. – И про эту квартиру наслышаны. Нехорошая квартира, дамочка, – посмотрели на меня. – Хотя хозяйка явно на самом деле намерена с вами меняться. И они с мужем на самом деле купили квартиру по дешевке. И предыдущие владельцы купили ее по дешевке. Не совсем, конечно, по дешевке, для нас с вами это огромные деньги, но ниже рыночной цены! Просто она вам не рассказала всего.

– Там что, привидение живет? – спросила я.

Оба милиционера хмыкнули.

– Все владельцы плохо кончили, – пояснили мне. – Если начать с последних, то все было именно так, как вам рассказала эта Соня. Ее мужа зарезали и обокрали в подъезде. Найти, кто это сделал, нереально. Она потеряла ребенка.

– А до них кто там жил? – поинтересовался мой друг Петя.

– Один из совладельцев сети «Колобок» – продукты экономкласса. Не можете не знать – у них магазины по всему городу.

Мы с Петей кивнули. Если не ошибаюсь, этих магазинов у нас в городе штук пятьдесят, может, чуть меньше. Владелец или даже совладелец должен быть богатым человеком.

Но оказалось, что этот человек тоже мертв – погиб в автомобильной аварии на загородной трассе. Не удалось выяснить, была ли авария подстроена или он сам не справился с управлением. Странным образом исчезла его гражданская жена – и вроде бы не объявилась до сих пор. Вступив в права наследования, мать и брат квартиру продали.

– Продали Соне и ее мужу?

– Да. Причем сразу же, как только вступили в права наследства.

– А деньги куда дели?

Петины приятели развели руками и продолжили рассказ.

До совладельца сети «Колобок» в квартире жил известный вор, не в законе, а просто вор, но квартира была оформлена на сожительницу, с которой он проживал совместно в разных местах с юности – в периоды, которые проводил в нашем городе. Правда, примерно половину жизни вор провел в местах не столь отдаленных. Его женщина ездила к нему на свидания в северном и восточном направлении, отправляла передачки, а он в периоды жизни на свободе улучшал ее жилищные условия. Когда он опять попался, она решила его выкупить. Советские времена закончились, шли буйные девяностые, жизнь менялась чуть ли не каждый день, все покупалось и продавалось. Женщина продала квартиру. В любом случае у нее оставались еще две, в которые ее любимый вложил деньги в период своего пребывания на свободе. Вроде бы она до сих пор живет в одной из них, а вторую сдает.

– А с вором что? – спросила я. – Женщина его выкупила, а он ее бросил?

– Нет, выкупить не получилось. Но срок ему сильно скостили, – ответил один из милиционеров. – Однако на свободу он не вышел. Умер на зоне. Что-то с животом, точно не помню. В общем, если бы вовремя попал в хорошую больницу в большом городе, то, наверное, вытащили бы, а так…

– А вор у кого покупал квартиру? – спросил теперь уже Петя.

– У одного хитрого представителя советской торговли. Он расселил коммуналку.

– Изначально чья квартира была? – перебила я.

– Купца какого-то. В тех домах селилось купечество. На первых этажах были лавки, в подвалах – склады. Купца после революции отправили по этапу, и он сгинул где-то в Сибири. Родственников загнали в одну комнату, а остальные три достались то ли рабочим, то ли крестьянам, то ли солдатам, – говоривший милиционер хмыкнул. – Типичная история для тех времен. Хорошо хоть семью не

тронули. Коммуналка существовала практически весь советский период. Да там все квартиры были превращены в коммуналки. Это в последние годы их не осталось, если только на низких первых этажах, где нет лавок и где не разместились офисы. Может, еще на текущих последних, хотя вроде все крыши недавно перекрывали… Но средние этажи все раскуплены.

По словам милиционеров, представитель советской торговли провернул какую-то хитрую сделку с многоходовым обменом, в результате оказался с семьей в отдельной четырехкомнатной квартире. Бывшие обитатели коммуналки разъехались по новым районам, тоже улучшив свои жилищные условия, но сменив район.

Потом времена изменились, советская торговля с ее спецификой приказала долго жить, но наш герой не растерялся. Окруженный турецкими и китайскими товарами со всех сторон и одновременно знакомый с людьми с шальными деньгами, которым эти деньги нужно было куда-то деть, он одним из первых стал ввозить в нашу страну товары класса люкс, которые в его магазинах можно было купить совершенно легально.

– Так мы тут по пути к вам видели магазинчик, на витрине которого написано «Эксклюзивные товары от элитных производителей», – воскликнула я. – Правда, я всегда считала, что элитные производители – это быки и жеребцы…

Милиционеры улыбнулись и сообщили, что в том магазинчике при желании можно найти кейс из очень хорошо выделанной бычьей кожи, но там гораздо больше аллигатора, ската и прочих тварей, которые на наших просторах не водятся. Но этот магазин не принадлежит нашему герою. Ему больше вообще ничего не принадлежит.

– Тоже помер? – спросил Петя. – Или пристрелили, как было модно в те годы?

Наши консультанты не могли сказать точно, жив тот герой или нет. Ответ на этот вопрос знает очень ограниченное число людей. Вроде бы он сгорел в машине, но генетическая экспертиза не проводилась – вроде бы тогда ее не делали вообще. Машина была его, перстень его, рост вроде тоже, жена опознала и рыдала над закрытым гробом.

– И что дальше?

– Квартиру продали (вору с сожительницей), как, впрочем, и недавно приобретенные магазины (разным людям), вдова с двумя детьми, матерью и свекровью отбыла на Запад. Возможно, они встретились там с мужем, отцом, сыном и зятем, но не факт. Этого никто не проверял. Где они сейчас, сказать трудно.

– А был смысл так обустраивать свою смерть? – спросил Петя.

– Наверное, был. Вы вспомните, что в те годы в нашем городе творилось. Явно на него наехали. С его-то элитными товарами!

– Но ведь должна была быть «крыша»! – воскликнула я. – Он же не просто так решился открыть свои магазины.

– Значит, другая «крыша» оказалась сильнее, – пожали плечами милиционеры.

– А про дом в целом что можете сказать? – спросил Петя.

Милиционеры переглянулись и пожали плечами.

– Из других квартир жильцов убивали? Они исчезали, попадали в странные аварии?

– А, вспомнил! – воскликнул один милиционер. – Дворнику давали по башке, то ли два раза, то ли даже три. Один раз он точно в больнице лежал, к нему народ со всех окрестных домов ходил, продукты носили и желали скорейшего выздоровления.

– Такой хороший дворник? – удивилась я, вспоминая состояние своего двора и всех остальных, в которых довелось побывать за последние годы.

Милиционеры кивнули с самым серьезным видом.

– И дворник хороший, и дядька хороший, только пьющий. У нас была версия, что ему гастарбайтеры по голове дали, чтобы место освободил. Брать у него нечего. Второй раз мог сам упасть. Могли, конечно, и наркоманы какие-то обкуренные

напасть, не разобравшись или из чувства мести. Он ведь всю шпану из двора гоняет. Но он следствию помочь не мог – ничего не помнит. Упал, очнулся в больнице.

– Так а мне что делать? – спросила я.

Мне посоветовали проверить сделку в другом агентстве недвижимости и даже предложили сделать соответствующий звонок. У милиционеров имелся хороший знакомый в одной такой конторе неподалеку. Услуга платная, но она того стоит.

– Если все чисто, переезжайте, – сказал один милиционер. – Ведь, насколько я понял, иначе вы никогда не сможете улучшить свои жилищные условия.

– Все эти смерти могли быть совпадениями – в смысле, что все герои проживали в этой квартире, а после их кончины родственники квартиру продавали. На Петроградке много квартир, в которых по этой причине поменялось несколько владельцев. И домов таких в Ленинградской области немало. К тому же бизнесом вы не занимаетесь и не собираетесь. Вас убивать не за что.

Глава 4

Из милиции мы с Петей поехали в агентство недвижимости, куда при нас позвонил один из милиционеров и обрисовал ситуацию. Нас встретил заместитель директора, провел к себе в кабинет и закрыл дверь. Это был относительно молодой, холеный мужчина в дорогом пиджаке.

– Я знаю квартиру, о которой идет речь, – сразу сказал он нам. – И знаю Соню Вербицкую, и знал ее мужа. Переезжайте. Только я бы посоветовал вам освятить квартиру. Со всеми владельцами случились несчастья. А Соня… Я вообще не знаю, как она руки на себя не наложила. Я удивлен, что она еще так долго тянула с переездом. Сейчас в квартире прописана она одна. Она выпишется. Всех предыдущих зарегистрированных на этой площади должны были проверить они с мужем. Если хотите, мы это тоже сделаем. Но для вас это лишняя трата денег.

– Почему вы отказываетесь от заработка? – подозрительно спросил Петя.

– Потому что хочу вам предложить прийти ко мне, если захотите продать эту квартиру и подыскать другую. А я не исключаю такого варианта. Приходите. Подыщем, и с хорошей доплатой. И «прокачаем» квартиру по нашим базам данных.

– А что нужно проверять? – спросила я. Чего ж не получить информацию, если ею с тобой делятся бесплатно?

Представитель агентства недвижимости пояснил, что обязательно надо проверить, является ли продавец квартиры ее собственником, а если жилье продается по доверенности, настоять на встрече с собственником. Также надо выяснить, дееспособен ли собственник и вообще пребывает ли, так сказать, в добром здравии, а то ведь бывают заболевания, при которых собственник вполне может не дотянуть до завершения сделки. Конечно, от автокатастрофы никто не застрахован, но про тяжелые хронические заболевания и алкоголизм лучше знать заранее. Также нужно знать точное количество собственников, а не только того, кто занимается продажей, сколько человек прописано и готовы ли они выписаться без судебных разбирательств. Несовершеннолетние дети – отдельная статья. Если недвижимость получена в наследство, следует проверять всех возможных наследников. Еще нужно проверить, как проводилась приватизация и не был ли кто-то во время нее обделен, в особенности несовершеннолетние дети.

Услышав этот список, я подумала, что лучше старую квартиру не покупать вообще. И ведь в новом доме, в особенности еще недостроенном, тоже подстерегают опасности…

– Что вы слышали про эту квартиру? – посмотрела я на молодого мужчину.

– Признаться: ничего хорошего.

– А если поконкретнее? – попросил Петя.

– Про потусторонние голоса слышал, про вход в параллельный мир. У одного из бизнесменов ведь жена исчезла.

– Подруга, если не ошибаюсь, – поправила я.

– Не имеет значения, – отмахнулся мужчина. – Она исчезла, и ее никто больше никогда не видел. Разумного объяснения ее исчезновения нет. И со всеми владельцами происходили какие-то несчастья. До переезда все шло более или менее нормально, а то и очень хорошо. Перебрались – пошли несчастья. Вы верите в такие вещи?

– Вообще-то да, – медленно произнесла я. – С другой стороны, у меня нет бизнеса, мои доходы даже близко не подходят к доходам тех, кто проживал в этой квартире. Но это мой единственный шанс улучшить жилищные условия. Другого не будет.

– И даже медицинские справки собирать не надо, – хмыкнул представитель агентства недвижимости.

– Какие справки? – не поняла я.

– Теперь что, для переезда на новую квартиру могут потребоваться медицинские справки? – уточнил Петя.

Нам пояснили, что могут. Конечно, не во все дома. То есть в большинство не требуется, но у нас в городе есть элитные строения, и публика, в них заселившаяся, не желает получить туберкулез, передающийся воздушно-капельным путем, или какое-нибудь кожное заболевание из-за того, что коснулись перил после больного.

– Но если человек может купить квартиру в элитном доме, он и справку любую может купить, – заметила я.

Представитель агентства недвижимости покачал головой с легкой улыбкой на губах. Жильцы таких домов специально нанимали очень дорогих юристов для составления уставных документов, в которых прописывалось то, что не прописывается в документах ТСЖ, созданного в панельном доме постройки брежневских времен. Прописаны серьезные штрафные санкции, обязательства, и за их выполнением строго следят! Потенциальным жильцам необходимо пройти обследование в строго определенной поликлинике. Старых жильцов совершенно не интересует, больное ли у новых сердце, есть ли проблемы с

давлением или суставами, которые им при контакте не передадутся. Интересует то, чем можно заразиться. С поликлиникой тоже заключен договор, да и в поликлинике уже знают, с кем имеют дело. И знают, что должны делать, и что если хорошо выполнят свою работу, то получат премию, а если не выполнят… Они выполняют.

– А вообще законно такие пункты прописывать в уставных документах? – спросил Петя явно из любопытства.

– Нет таких законов, которые нельзя было бы обойти, – многозначительно ответил наш собеседник.

Я спросила, много ли у нас в городе домов, для вселения в которые требуются медицинские справки. Представитель агентства недвижимости ответил, что ему лично известно про два, и тут же добавил, что сам не хотел бы в них жить. Я бы тоже не хотела. Правда, мне и не светит. С другой стороны, четырехкомнатная квартира в старом купеческом доме, да вообще в любом доме мне тоже недавно не светила. Я о подобном и мечтать не могла.

– Вы не знаете, кто живет в доме, куда мне предстоит переехать?

– Ты все-таки решилась, Марина? – посмотрел на меня Петя. – Хотя на самом деле другого такого шанса не будет.

– Публика разная, – ответил представитель агентства недвижимости. – Конечно, с ходу я вам всех жильцов не назову, но наше агентство постоянно держит этот дом в поле зрения. Его не переделали в элитный, как часть соседних. Вон в одном, – мужчина назвал номер, – проживают трое из первой десятки Петербурга. Тот дом мы из сферы наших интересов выключили. В обозримом будущем там никаких продаж ждать не следует. А в вашем они возможны.

Мужчина сообщил, что в моем будущем доме остались и старые жильцы, некоторые там всю блокаду провели. Две такие бабушки, проживающие в одной квартире, ни в какую не желают никуда переезжать, хотя им предлагали на самом деле хорошие варианты в новых районах. Они родились в этом доме, они в нем умрут. У одной бабушки, как выяснили в агентстве недвижимости, есть племянница. У другой вроде никого нет из родственников. Придется подождать – и договариваться с племянницей. Если та, конечно, не унаследовала упрямство

тетушки.

– Капремонт в доме был?

– Не было. Сами граждане ремонтировались. Кто-то коммуналки разделял на отдельные квартиры. В смысле ставил одну стену. У бабушек, про которых я вам рассказал, получилась двухкомнатная квартира. На это они согласились. Дверь им на кухне прорубили. А соседи себе воду тянули и газ. А вообще там много интересных вариантов получилось – как и практически во всех старых домах, облюбованных разбогатевшими гражданами. Но вашу квартиру никто не делил и не собирался.

Я помнила, что отмечала разное количество дверей на разных этажах. Значит, вот в чем дело. Отдельной черной лестницы в доме нет, то есть квартиры нельзя было разделить так, чтобы одни выходили на парадную лестницу, другие – на черную. Но черный ход имелся под лестницей на первом этаже – именно перед ним убили мужа Сони. Хорошо или плохо отсутствие второй лестницы? Наверное, хорошо. Для меня хорошо. Никто не заберется через дверь, которой не пользуешься. И вторую дверь не нужно укреплять!

– Да, кстати, – вспомнил представитель агентства недвижимости. – Под вами проживает еще один совладелец сети «Колобок». Продукты экономкласса.

– Это партнер убитого жильца? – уточнила я.

Мужчина кивнул.

– А сколько их вообще? – поинтересовался Петя.

– Сейчас, насколько мне известно, двое, так сказать, активных, которые этой сетью руководят. И у родственников убитого остались акции. Но они только получают проценты по ним. В управлении сетью они никак не участвуют. Изначально было трое. Один, как вы знаете, мертв. После его смерти были какие-то проблемы. Точно не помню, какие. Но вроде бы они лишились нескольких магазинов. Опять не помню, почему.

– Сейчас сеть активно работает, – заметил Петя. – Я лично никаких изменений не заметил. Как стали раскручиваться с самого начала, так и держатся на рынке.

– Для обычного покупателя ничего не изменилось. Может, у кого-то рядом с домом закрылся магазин. Или не открылся, как планировалось. Или открылся другой сети. Это их внутренние дела. Если захотите – познакомитесь и расспросите по-соседски. Квартиру совладельцу подбирали мы. Он почему-то хотел именно в том доме. После того, как товарища убили.

– После? – удивились мы с Петей.

Представитель агентства недвижимости кивнул.

– Вообще он хотел квартиру товарища. Ту, в которую вы собираетесь переехать. Но там родственники уже подсуетились. Не знаю, почему они не смогли договориться. Или родственники просто не предупредили совладельцев, что хотят продать квартиру. Может, не думали, что те купят. Ведь там проблемы были! Но деньги на квартиру откуда-то нашлись.

Мужчина улыбнулся. Мы с Петей тоже улыбнулись и решили, что нам здесь больше делать нечего.

Я поблагодарила представителя агентства недвижимости, он оставил нам с Петей визитки со всеми своими телефонами и предложил обращаться по любым жилищным вопросам.

Глава 5

В общем, я поставила подпись под всеми документами. Может, сглупила. Но вроде бы все было чисто… Я сказала себе, что все смерти бывших жильцов – совпадение. Ведь жильцы коммуналки-то не умерли! Нет, конечно, кто-то, наверное, умирал своей смертью, но ничего особенного про них никто не слышал – иначе мне бы рассказали. Смерти же всех жильцов квартиры, ставшей отдельной, имели логичное объяснение! Ну, может, не совсем логичное, но ни меня, ни мою родственницу Ларису, с которой мы все очень подробно обсудили,

они не удивили. Лариса тоже сказала, что нужно переезжать. Она же позвонила моему бывшему мужу, сообщила про изменения в моей жизни (и жизни его детей) и сказала, что сыну нужно срочно покупать новый диван. Старую, поднимающуюся, кровать мы из коридора перевезти не могли (там требовалась специальная установка). И кто бы стал ее демонтировать в коридоре? Я решила, что купить новое спальное место будет дешевле, чем перевозить и заново устанавливать старое. А если еще наш папа сподобится сделать подарок… Ну и вообще теперь убирающаяся на день кровать нам не требовалась. Сын получал отдельную комнату в свое распоряжение. Целых шестнадцать метров!

Правда, сын сказал, что компьютерный стол ему нужнее, и он пока готов поспать на матрасе на полу. На это бывший муж заявил, чтобы я составила список тех предметов мебели, которые мне в новую квартиру требуются в первую очередь, и показывала этот список всем знакомым. Пусть отмечаются – кто что готов нам подарить на новоселье. Бывший муж сказал, что так принято делать в Европе и США перед свадьбой. Гостям представляется список добра, с которым молодожены хотят начать совместную жизнь. В результате они не получают ненужных подарков, а гости не ломают голову.

Я список составила. Кухню мне бывшая хозяйка Соня оставляла, так как ее было не вывезти – она делалась именно под эту квартиру. Я Соне оставляла свой старый кухонный гарнитур. Мне было стыдно, но что поделаешь? Купить новый я все равно не могла. Я собиралась перевозить вешалку, тахту дочери, наши шкафы, единственный детский письменный стол и стулья. Большого стола у нас не было, даже складного. Его было некуда ставить. Я решила, что и в новой квартире он мне не потребуется. Соня обстановку гостиной забирала в загородный дом. Я оборудовать отдельную гостиную не собиралась.

В результате в список попал новый диван для сына (его купил папа) и компьютерный стол (Лариса). Сын сказал, что больше ему ничего не надо, когда он пойдет работать, то сам обставит свою комнату – если ему еще что-то потребуется. Я планировала поставить к нему один из двух шкафов. Соня оставляла мне свою спальню, а я ей – наш с мужем диван, который все еще был в приличном состоянии (по моим меркам). Но дочь не хотела спать на старой тахте в новой квартире, в особенности, раз брат получал новый диван и компьютерный стол, а ей предстояло делать уроки за старым письменным столом, на котором у нас раньше стоял общий компьютер. Дети-то, если честно, уроки чаще делали на кухне… То есть один сидел за компьютером, вторая что-то писала в тетрадке за кухонным столом. Потом менялись. Какой кошмар! Как мы столько лет так

прожили?! Дочь сказала, что ее тахту можно использовать как гостевую. Теперь Лариса сможет оставаться у нас на ночь. Новый диван для дочери обещал обеспечить Петя. Три мои подруги в складчину обещали книжный шкаф в комнату дочери. В старой квартире книги лежали в коробках под кроватями и стопками на полу. Второй шкаф для одежды я тоже планировала поставить в комнату дочери. Теперь у каждого ребенка получалось по платяному шкафу (у меня в спальне оставался от Сони шкаф-купе).

То есть одна комната, ближайшая к входной двери, будет служить моей мастерской, туда же я планировала поставить тахту. Во второй комнате буду жить я, в третьей – сын, в четвертой – дочь. Кухня будет использоваться как гостиная. Для моих гостей ее более чем достаточно. Ну а потом посмотрим. Теперь есть смысл зарабатывать! На мебель-то я скорее заработаю, чем на новую квартиру. Появилась реальная цель.

Еще мы получали в наследство кладовку со всем содержимым. Соня сказала, что содержимое кладовки осталось от предыдущих жильцов. У нее так и не нашлось времени, сил и желания ее разобрать. Может, найдется у меня. Может, найду что-то ценное. Я лично в этом сомневалась, только бросив один взгляд в темное помещение, освещаемое тусклой лампочкой и заваленное каким-то запыленным хламом, причем мерзко попахивающим. Хотя… Может, найду что-то, что смогу использовать в работе.

Вообще я планировала использовать кладовку как склад своих рабочих материалов, а то раньше у меня мешки с исходным материалом стояли рядом с готовым товаром. Да и все тазы с чанами мне одновременно не требуются. Часть сможет «отдыхать» в кладовке. Петя с парой друзей обещал не только перевезти и перевесить все мои старые полки, но и добавить новые в новую матерскую.

Наконец настал день переезда. Договорились на субботу. Мы с Петей уже заранее перевезли содержимое моей мастерской по частям, чтобы ничего не разбить. Соня не возражала, наоборот, с интересом рассматривала мои поделки, которые не могла осмотреть у меня дома. Она также обещала обеспечить меня заказами. С машиной опять договаривался Петя. Он же пригнал двух каких-то своих сотрудников, оплату труда которых я вполне могла себе позволить. Ну и, конечно, следовало быстренько накрыть стол с выпивкой. Сотрудники явно очень дружили с зеленым змием.

Соня вывезла свои вещи в предыдущий день, поэтому переезд для меня становился еще удобнее. Не нужно ждать, когда предыдущие жильцы выгрузятся, чтобы заносить свое. Свою помощь предложил новый сосед, с которым у нас оказалась общая стена.

Его звали Николай, и был он какого-то неопределенного возраста. Я все-таки дала бы лет пятьдесят. Это был худой, жилистый мужичок с пронзительным взглядом серых глаз. Он очень внимательно осмотрел мебель, которую заносили Петины знакомые. Потом появился наш папа, и под его четким руководством в квартиру загрузили новый диван и компьютерный стол. Пожалуй, мебель на Николая не произвела никакого впечатления. Для такой дорогой квартиры она явно не подходила. Интересно, что стоит у самого Николая?

Одет он был в черные джинсы и простую черную водолазку. На ногах – разбитые шлепанцы. Он не производил впечатления обеспеченного человека, скорее – работяги с какого-то завода. С другой стороны, лицо не было ни испитым, ни одутловатым. Не похоже, чтобы этот мужик пил. Или язва? Хотя цвет лица здоровый… Или бывший спортсмен, поддерживающий форму? Я затруднялась с определением рода деятельности Николая.

Бывший же муженек «порадовал». Он, оказывается, привез подарки не только сыну, но и мне. Такого на новоселье я, признаться, не ожидала ни от кого. Бывший привез четыре гранитные плиты, при виде которых у Николая глаза полезли на лоб. А бывший спокойно сообщил, что во дворе здания, где располагается его новая фирма («твоей сожительницы, хотел ты сказать»), кто-то у помойных баков поставил эти четыре плиты. Наш папа решил, что мне они будут очень кстати.

– Ты забыл, что я только памятники делаю? – спросила я. – Надгробные плиты – не моя специализация.

– Пристроишь куда-нибудь, – махнул рукой бывший муж. – Зачем добру-то пропадать? Кому они еще нужны? Может, какую-то композицию придумаешь. Пусть стоят. Есть не просят.

Это были куски гранита, не отполированные ни с одной из сторон, правда, у всех четырех одна сторона была ровной, а все остальные поверхности – «волнами». Если будет надо, я, конечно, отполирую…

– А какие памятники вы делаете? – встрял Николай, до этого ошалело разглядывавший плиты, которые однозначно смотрелись как могильные, только пока без надписей, а потом внимательно слушавший наш с бывшим разговор.

– Она любой может сделать, – заявил бывший муж. Рекламу мне делает, чтобы побольше зарабатывала? – Если потребуется – заказывайте. Такую соседку, как моя бывшая жена, очень удобно иметь. Помрет кто-нибудь из знакомых, а вы, не выходя из дома, можете обговорить дизайн памятника и каждый день наблюдать за всем процессом изготовления. Очень интересно.

«Только ты не выдержал».

Николай как-то странно посмотрел на меня. Потом он очень долго оглядывал мастерскую, качал головой при виде мешков с материалами, о существовании которых даже не слышал (кроме глины, гипса и цемента), повертел в руках пару игрушек, уже выставленных на полки. В открытую входную дверь заглянул еще один незнакомый мужик, молодой и холеный, поздоровался, быстро окинул взглядом холл, дольше всего задержался на мне и пошел дальше.

– Это ваш сосед сверху, – ничего не выражающим тоном сообщил Николай.

Один из котов тем временем успел написать на выставленные в коридоре гранитные плиты. Коты вроде бы были довольны – носились по квартире как сумасшедшие. Но коты вообще любят бардак. Во время переезда в перевозках оба орали и никак не могли успокоиться. Путешествовать им доводилось всего один раз – когда мы их котятами везли от мамы-кошки домой, но то путешествие они давно забыли. Правда, тогда тоже орали. А к туалету и здесь приучим.

– Камины собираетесь ремонтировать? – спросил Николай, заглядывая в комнату моего сына.

Сын занял бывшую гостиную. Там как раз располагался неработающий камин. Второй находился в моей мастерской и к нему сейчас вообще было трудно подобраться из-за всего, что мы туда выгрузили. Комната дочери и моя спальня были с задними частями печек, теперь покрытыми стеновыми панелями.

– Зачем?

– Ну, чтоб работали. У меня работает. Я могу и вам сделать.

– Спасибо, но мне некогда этим заниматься, мне это не нужно и в любом случае лишних денег у меня нет, – ответила я.

– На такую квартиру есть, а на камин нет? – внимательно посмотрел на меня Николай. Этот взгляд мне совсем не понравился.

– А что это вы считаете чужие деньги? – спросила подошедшая к нам Лариса, которая помогала мне с переездом. – И почему это вы решили, что Марина сама не в состоянии определить, что ей делать, а что не делать? Марина – взрослая, самостоятельная, успешная женщина и сама прекрасно разберется.

Насчет успешной Лариса, конечно, загнула, но эффект был достигнут. Николай ретировался и за стол с нами не сел. Обиделся? Предлагал свои услуги, а мы не приняли? Интересно, кто тут еще проживает? Соню я подробно о соседях не расспрашивала, но если будет надо – позвоню. Она говорила, что они ее доставали. Я терпеть не могу тратить время на пустопорожние разговоры и в любом случае у меня свободного времени нет и в ближайшем будущем точно не появится. К тому же есть знакомый представитель агентства недвижимости и знакомые милиционеры. Если потребуется – соберем информацию.

Глава 6

Дети и коты очень устали. Дети заявили, что ложатся спать, а свои вещи разберут на неделе или следующих выходных. Я подозревала, что большая часть будет долго лежать нераспакованной по углам, а то и посередине комнат – до тех пор, пока что-то не понадобится. Но я не собиралась в это лезть. Каждый из них получил по своей комнате. Они об этом и мечтать не могли! Поэтому я заявила: теперь свои комнаты убираете сами и делаете там все, что хотите. Пусть там хоть змеи ползают. Но в остальных частях квартиры я попросила не устраивать свалку. Дети обещали.

Поскольку я привыкла ложиться поздно, то решила все сделать сегодня – в смысле разобрать свою одежду, которой было не так много, и посуду. Зайдя на

кухню, поняла, что мне придется еще и зарабатывать на посуду и кастрюли. Мое добро тут точно будет смотреться некрасиво – после Сониного…

Все-таки расставив привезенное из старой квартиры (другого все равно пока не было), я решила выпить чаю, а уже потом приступать к развешиванию и раскладыванию одежды и обуви. Стоило мне сесть за стол, как появились коты. Значит, немного отдохнули. И вообще, когда у нас кто-то садится есть, они сразу же появляются на кухне. И здесь очень быстро определились с «адресом».

Котам нарезала колбасы с плавленым сыром (как они любят), себе тоже сделала бутерброд, надкусила – и чуть не подавилась.

Из трубы послышался жалобный вой.

Как я уже говорила, в кухне была установлена печка. Соня утверждала, что она – единственная рабочая из трех. То есть я бы сказала, что в комнатах у меня два камина, а в кухне именно печь. Она смотрелась как печь, а не как камин. В комнатах кто-то из предыдущих жильцов делал соответствующий ремонт. Стены однозначно закрывали панелями в наше время. В комнатах на стенах над каминами не было плиток, от каминной плиты до потолка шли стеновые панели, а эта печь до потолка была покрыта изразцами.

В трубе тем временем стонали и плакали. Коты выгнули спины и зашипели. Но это не могла быть случайно свалившаяся в трубу кошка! Кошки не издают таких звуков! Я сидела неподвижно с бутербродом в руке. Звуки прекратились минут через пятнадцать. Коты принялись осматривать и обнюхивать печку. Я открыла заслонку, заглянула внутрь, но ничего, кроме пыли, там не увидела. Или это была зола? Или пыль с золой?

Я доела бутерброд, допила оставшийся чай и отправилась разбирать вещи. Но не дошла.

Мне показалось, что в коридоре кто-то ходит.

Направляясь из кухни в комнату, я не включала свет (привычка, въевшаяся в кровь в нашей предыдущей квартире). Услышав шаги, я на мгновение застыла на месте, потом прыгнула к выключателю и ударила по нему рукой.

В коридоре никого не было. Шаги продолжались.

Я попыталась определить, откуда они могут доноситься, и решила, что из моей мастерской. Я еще послушала, приказала себе взять себя в руки и отправилась туда, правда, по пути прихватила швабру, так пока и не нашедшую постоянного пристанища в этой квартире.

Я резко распахнула дверь в мастерскую, включила свет левой рукой, в правой держала оружие.

Мастерская была пуста – если не считать всего моего добра.

Но шаги все-таки слышались… Паркет поскрипывал.

Я бросила взгляд на камин, но из него не доносилось никаких звуков. Я неподвижно стояла какое-то время, пытаясь определить, откуда все-таки идет звук. У меня создалось впечатление, что он идет… отовсюду. Какое-то стереозвучание, право слово!

Я поставила швабру в угол и решила пока остаться в мастерской. Мне и тут еще было что разбирать. Коты пришли за мной, но звук шагов их не беспокоил, как стоны и плачь из камина. Оба зверя устроились на тахте и заснули. Шаги продолжались примерно полчаса, потом стихли. Я снова вышла в коридор, постояла, послушала. Сходила в кухню, потом отправилась в свою новую спальню, разобрала вещи. Коты последовали за мной.

Больше никаких звуков я не слышала. Коты устроились спать на новом огромном ложе. Я поняла, что могу устроить в квартире питомник. Места хватит всем.

Утром спросила у детей, как им спалось на новом месте. Им спалось прекрасно, как, впрочем, и везде. Они ничего подозрительного не слышали. А я не стала их пугать. Я опять занялась квартирой, ожидая Ларису, которая собиралась приехать поближе к вечеру, чтобы мне помочь.

Дети и коты отправились в кладовку. С одной стороны, я не хотела, чтобы они пачкались и копались во всяком хламе, с другой – понимала, что их, во-первых, все равно не удержать, во-вторых, они облегчат мне задачу. Пусть разбирают.

Им – интересно, мне – нет. Я только выдала им большой плотный бумажный мешок для мусора, которыми меня снабдил Петя. Петя меня вообще много чем снабжает. Хороший у меня все-таки работодатель…

Зазвонил мобильный. Тут я вспомнила, что должна еще всех знакомых оповестить о смене домашнего телефона и адреса. Слава богу, теперь мобильные есть, и как мы раньше-то без них жили? По мобильнику знакомые и работодатели позвонят.

Это был знакомый прораб. Он меня материалами обеспечивает по выгодной и для него, и для меня цене. Откуда он их все берет – не знаю, вопросов, естественно, не задаю. Не мое дело. Но все равно иногда задумываюсь. Цемент, глина, гипс могут использоваться на стройках, а современные пластмассы? Но без масс и паст, которые я, так сказать, в готовом виде пускаю в обжиг, я зарабатывала бы гораздо меньше денег. Все материалы я покупаю впрок, потому что если покупать только когда мне надо, то будет дорого или не будет вообще. Я беру тогда, когда прорабу удается материал скоммуниздить (его любимое словечко). Он подвозит мне мешки к подъезду, ну а дальше я уже сама доставляю их до квартиры. Прораб обычно куда-то торопится. Ну а я уже готова к выступлению на соревнованиях по тяжелой атлетике. Правда, моей тренировки в этом доме еще никто не видел.

Я сказала прорабу, куда теперь везти материалы, и извинилась за то, что не успела предупредить о смене адреса. Он совсем недавно доставлял мне предыдущую партию.

– А чего это ты вдруг? – родил поставщик моего рабочего материала.

– Просто повезло, – ответила я и вкратце рассказала историю переезда.

Примерно минут через сорок прораб был у парадного входа, сказал, что зайдет посмотреть квартиру в следующий раз (то есть никогда), выгрузил четыре мешка и укатил.

Я по очереди затащила их в подъезд, а потом по одному стала подтаскивать к лифту. Во время этого моего занятия открылась дверь подъезда и вошел солидный мужчина лет сорока в кашемировом пальто и с борсеткой, со мной вежливо поздоровался и направился к лифту, у которого уже стояли три мешка.

Мне оставалось подтащить последний. Естественно, я не ожидала, что такой представительный господин поможет мне в моем трудном занятии. Я сама была одета в старый спортивный костюм и кроссовки. Верхнюю одежду не надевала. Зачем? Прораб позвонил из машины, что подъехал, я выскочила, быстро затащила мешки. И вообще мне обычно жарко, когда я их таскаю!

Но мужчина решил со мной пообщаться. Или правильнее будет сказать: снизойти до меня?

– Скажите, пожалуйста, вы из какой квартиры?

Я назвала номер.

– О! – воскликнул мужчина. Я не поняла, что он хотел выразить этим междометием. – А какие ремонтные работы вы будете производить?

– Никакие, – ответила я, продолжая подтягивать четвертый мешок к лифту.

– Простите, а что вы собираетесь делать в той квартире?

– Жить, – пожала плечами я. – Вы на лифте поедете? Или я буду мешки загружать.

Мужик молчал и внимательно меня рассматривал. Мне в жизни не доводилось встречать богатых людей. Конечно, можно вспомнить Соню и представителя агентства недвижимости. Но они были… другие. Лариса сказала мне, что в этом доме мне придется столкнуться с публикой, с которой мне никогда раньше не приходилось общаться. Лариса говорила, что я сразу же должна себя поставить соответствующим образом. Я являюсь владелицей квартиры в этом доме – как и они. Как она мне досталась – другой вопрос. Но я никого не обворовывала, не подсиживала. Я ничем не хуже, чем они.

– Вы мешки в квартиру везете? – спросил мужчина.

«Он что, идиот? Думает, что на крышу?»

– Да. Так вы поедете или нет?

Наш спор закончился, так как лифт увели у нас из-под носа. Он пошел наверх. Мужчина продолжал меня внимательно рассматривать. Мне что – пусть смотрит. Я, в свою очередь, рассматривала его.

Лифт остановился на первом этаже, из него вышел Николай, увидел нас вместе, чуть-чуть удивился, вежливо поздоровался со мной, назвав по имени и отчеству, потом пожал руку мужчине, которого именовал Юрой. Взгляд Николая упал на мешки с исходными материалами.

– На памятнички, да? А сколько за памятник берете?

– Зависит от массы факторов. Будет конкретный заказ – приходите. И если подарок кому-то захотите заказать. Я и сувениры делаю, и копилки. Вы же сами видели.

– Слышал, Юра? – обратился к другому соседу Николай. – Какая у нас мастерица теперь на лестнице поселилась! Марина Владиславовна, а вы мешки сами таскаете?

– Сама, – ответила я, затаскивая первый в лифт.

Мужики продолжали общение, я затаскивала мешки в лифт, потом с ними уехала.

Юрий добрался до своего этажа, когда я еще не затащила мешки в квартиру. Оказалось, что он проживает строго подо мной. Значит, это – один из совладельцев «Колобка»? Тот, которому почему-то страшно хотелось купить квартиру в этом доме?

Юра поднялся на мой этаж и смотрел, как я затаскиваю мешки в квартиру. В зоопарке давно не был? Вообще-то зоопарк тут в пешей досягаемости.

– Скажите, а ремонт вы собираетесь делать? – спросил он.

Он же уже спрашивал! Или ранний склероз?

– Вы хотите предложить помощь? – посмотрела я на него.

– Нет, то есть…

– А почему вас это интересует?

– Шум, – пожал плечами он. – Кстати, вы шумно работаете над памятниками и… всем остальным?

– Нет. Я не использую ни дрель, ни болгарку, ни лобзик. Я леплю, иногда обжигаю, раскрашиваю. Еще какие вопросы будут?

– То есть ремонта у вас вообще не будет?

– Зачем? Квартира в прекрасном состоянии. До меня все сделали.

– Простите, а можно посмотреть?

– Что?

– То, что вы делаете.

– Заходите, – пожала плечами я.

Первым делом взгляд Юры упал на четыре гранитные плиты, которые так и стояли в коридоре. Он издал какой-то непонятный звук. Из кладовки высунули носы дети. Там слышался шум и грохот – явно веселились коты, которые тоже скоро выскочили, сменив цвет на серый, и понеслись куда-то в глубь квартиры.

– Здрасте! – сказали дети и сообщили, что нашли кучу интересных вещей.

– А что там у вас? – кивнул Юра на кладовку и сунул в нее нос.

– А у вас разве квартира не такой планировки? – удивилась я.

Оказалось, что у него в кладовке было пробито окно (кем-то из предыдущих жильцов), и она являлась пятой комнатой. Дети тем временем демонстрировали мне какую-то старую шляпу с перьями, которая произвела большое впечатление и на них, и на котов. Также их заинтересовала лампа с абажуром необычной формы, нестандартные, вытянутые вверх банки совершенно непривычной формы. Вроде бы в советские времена в них из какой-то бывшей союзной республики привозили сок. Я поняла, что в ближайшее время детям будет чем заняться. Только бы об уроках не забывали. Ведь им теперь предстояло не ходить, а ездить в школу, правда, метро от этого дома было в пешей досягаемости. Мы с ними договорились, что они поездят до конца учебного года, а там посмотрим, переводить их в новую школу или не переводить. Сын сказал, что провожать их не надо (что меня очень устраивало). Я в самом деле считала, что они справятся, тем более в нашем городе сейчас много детей ездят в удаленные от дома школы, на различные курсы и занятия. Некоторых возят на машинах обеспеченные родители. Я сама в свое время ездила на лепку, правда, тогда времена были другие. Но меня мама проводила один раз – и я стала добираться сама. Мне это нравилось! Мне, наоборот, не хотелось бы, чтобы меня водили за ручку. А сын даже на год старше, чем тогда была я. Дочь, правда, на два младше… Но с ней рядом будет брат! Хотя, возможно, я – плохая мать. И другая бы после бессонной ночи отправилась бы еще утром провожать детей в школу, а потом… Нет, это не для меня.

Сосед Юра после внимательного осмотра кладовки, которая его почему-то поразила, заглянул в мою мастерскую, с большим интересом осмотрел астрологических зверей и прочие мои творения, потом заглянул в другие комнаты и наконец отбыл. К себе не приглашал.

Вечером приехала Лариса, я рассказала ей про еще одного соседа, она пожала плечами и заявила, чтобы я не обращала на него внимания. Ну любопытно было мужику!

Мы попили чаю и отправились в кладовку, временно покинутую детьми ради компьютера. Кроме заинтересовавших детей вещей, там стояла сломанная мебель, лежали старые журналы еще советских времен (значит, их не повезли с собой обитатели коммуналки, а никто из богатеньких буратин не удосужился выбросить) и имелась масса старой одежды, сваленной кучей в одном углу. Хоть обувь лежала в двух коробках. Вся была ношеной, кое-какая целой, но по большей части или со сломанной «молнией», или с оторванным ремешком, или с отвалившимся каблуком. Конечно, нашлись и банки с засохшей краской и клеем

(от многочисленных ремонтов), куски различных обоев (которые я пока решила оставить), банки с засохшим кремом для обуви, какие-то растворители, пластмассовые коробки и прочая дрянь.

– Это все на помойку, – однозначно заявила Лариса. – Давай прямо сейчас и вынесем. Тащи мешок, в который упакуем одежду. Мебель по частям оттащим. Или тебе какие-нибудь деревяшки могут понадобиться? Кстати, дай-ка мне резиновые перчатки и сама надень. Мало ли тут вши какие-нибудь или блохи водятся…

Я хмыкнула, но перчатки принесла. В кладовке на самом деле было грязно. Я также принесла две большие мокрые тряпки. Лариса стала засовывать вещи в мешок. Среди них были и мужские, и женские. И почему их никто раньше не вынес на помойку?! Зачем оставлять сломанную мебель? Зачем держать старую обувь и одежду, которую совершенно точно не будешь носить никогда?!

Кстати, эту кладовку на самом деле потом надо будет обработать какой-нибудь химией. А вдруг в самом деле тут живут какие-нибудь жучки, клопы или я не знаю кто? Вообще-то в таких старых домах должны жить мыши. Или с ними тут организованно борются? И вообще у меня коты есть. Правда, коты живую мышь никогда в жизни не видели и вполне могут испугаться. Хотя их запах должен отпугнуть и мышей, и крыс… Ладно, поживем – увидим.

– Слушай, чем тут так мерзко пахнет? – спросила родственница.

– А я откуда знаю? Ты же сама видишь, сколько здесь хлама. Когда мимо помойки проходишь, ведь тоже ощущаешь вонь, а не аромат роз.

– У меня такое впечатление, что здесь что-то гниет, – продолжала Лариса.

– Вполне может, – пожала плечами я. – Какая-нибудь дохлая крыса. Или старый растворитель воняет. Вон здесь сколько старой химии. Разберем тут все – и прекратит пахнуть.

– По квартире этот запах не распространяется? Или ты уже принюхалась?

Я задумалась.

– Пожалуй, нет. Дверь в кладовку плотно закрывается. И каждый раз, когда я ее открываю, тоже чувствую эту мерзость.

– Надо побыстрее тут все расчистить.

– Знаешь что? – сказала я Ларисе. – Ты пока упаковывай по мешкам, а я мебель буду выносить. Чего мы с тобой тут вдвоем толкаться будем? И так дышать нечем.

Лариса кивнула, я прихватила два сломанных стула и сделала первую ходку к помойке, воспользовавшись ключом от черного хода, который мне с остальными ключами отдала Соня. После второй ходки (с обувью) я столкнулась у лифта с молодой парой, оказавшейся жильцами пятого этажа. Молодые люди куда-то уходили, при виде меня затормозили, спросили, не я ли новая жительница подъезда, представились и отбыли в неизвестном мне направлении. В дети они мне не годились, но были представителями другого поколения. Несмотря на существенную разницу в возрасте, молодой человек оглядел меня очень заинтересованно, как мужчина женщину. Девушка этого не заметила.

Я считаю, что следует знать всех соседей в лицо, а еще лучше – по имени. Наверное, будет лучше, если я побыстрее перезнакомлюсь здесь с народом. Правда, идти по квартирам с представлениями я не собиралась. И так познакомимся. Я не сомневалась, что про доставшуюся мне квартиру (то есть ее предыдущих жильцов) и про очередную смену хозяев здесь все и так знают. Или узнают в самое ближайшее время.

На этот раз Лариса открыла, как только я позвонила в дверь (от квартиры ключи я не брала). Выражение ее лица мне не понравилось.

– Ну? – посмотрела я на нее.

– Я нашла куртку с документами. С паспортом, водительским удостоверением, документами на машину и бумажником. С деньгами. И маленький пузырек с какими-то крошечными таблетками без маркировки, без надписей.

– Может, по пьяному делу… Выбросили, забыли, потом искали и…

– Марина, куртка приличная – не такая, как все остальное. Здесь еще джинсы, футболка и ботинки. Это все было свернуто комом и лежало в середине кучи. То есть свернули и засунули. Мне это не нравится.

Я предложила посмотреть документы. Все они были на имя Святослава Васильевича Ковалева, тридцати двух лет от роду, уроженца города Ленинграда, прописанного в Санкт-Петербурге, в Московском районе, причем прописанного давно, еще с советских времен. Возможно, он даже родился в той квартире.

– То есть он не жил в этой квартире, – сделала вывод Лариса.

– Можно быть прописанным в одном месте, а жить в другом, – заметила я. – Он мог тут жить у женщины.

– Коммуналку когда расселили? Сколько после нее уже жильцов поменялось? И сколько ему тогда было лет? У кого из последних он мог жить? И ты на вещи посмотри! Хорошо посмотри! И сравни с остальным барахлом! Они куплены в дорогих магазинах! И не десять, и не двадцать лет назад!

– Может, у Сони был любовник?

– И что?

Я пожала плечами и на всякий случай решила Соне позвонить и уточнить, не знает ли она Святослава Ковалева, не поясняя, зачем мне это потребовалось. Соня никаких Святославов не знала, про Николая (о котором я тоже спросила) сказала, что он тоже предлагал ей починить камины и вообще предлагал работу по дому. Чем он занимается, она никогда не интересовалась. Николай живет один. Соня не знала, есть у него какая-то женщина или нет. Николай очень спортивный – бегает по утрам, а зимой купается в проруби у Петропавловской крепости. У него двухкомнатная квартира. Юра из квартиры под нами на самом деле являлся совладельцем сети «Колобок», после переезда приходил знакомиться, несколько раз выпивал с ее покойным мужем. Вроде бы живет один, но Соня не особо интересовалась соседями. Над Соней (а теперь надо мной) жила семья – мать, старший сын, младшая дочь. У всех периодически появлялись сожители. Я поблагодарила за информацию и распрощалась.

– Вообще я бы вернула документы этому Святославу, – сказала Лариса.

– Может, в милицию?

– Тебе охота связываться с милицией? И у этого Святослава потом могут возникнуть лишние проблемы. Кто его знает, что с ним случилось. А по адресу можно телефон выяснить. Уверена, что твой сын может.

Я отправилась в комнату старшего ребенка и дала задание. Вскоре телефон был у нас.

– Послушай, Лариса, у современного человека еще должен быть мобильный телефон… Если в куртке лежали документы… Даже у владельца дешевой куртки теперь есть мобильник!

– Марина, давай позвоним по домашнему номеру и сообщим, что мы нашли куртку с документами. И послушаем, что нам там скажут. Может, он потерял мобильник в другом месте! Может, мобильник для него важнее документов, и он с ним ни на секунду не расстается, поэтому не потерял. Я не знаю! Давай звонить.

Звонила Лариса. К телефону подошел мужчина, и она попросила Святослава Васильевича. Это он и оказался. Лариса сказала, что нашла куртку с документами и бумажником и готова их передать Святославу Васильевичу.

На другом конце провода повисло молчание.

– А… где вы ее нашли? – наконец спросил мужчина.

– А где вы ее потеряли?

– У меня несколько вариантов. Простите, как вас зовут?

– Лариса Федоровна.

– Лариса Федоровна, я потерял документы, или, правильнее будет сказать, лишился их, больше года назад. Да, полтора года назад! У меня была амнезия.

То есть я до сих пор не помню, что со мной произошло. Всего не помню, только какие-то обрывки. Моя мама подавала в розыск. Меня не было три месяца. В общем, это долгая история, и вам она, вероятно, неинтересна. Лариса Федоровна, сегодня уже поздно, но завтра вечером я готов с вами встретиться в любом месте и в любое время. Или во вторник, среду, четверг, на следующих выходных. Как вам удобно. У меня не горит, так как у меня уже новые документы. Но и эти я хотел бы получить назад.

– Пусть сюда приезжает завтра вечером, – прошептала я. – Или когда ты тоже сможешь подъехать.

Лариса назвала адрес и предложила приехать завтра после девяти вечера. Лавка, в которой трудится Лариса, работает до восьми.

На другом конце опять воцарилось молчание.

– Вы на машине или общественным транспортом? Вам объяснить, как доехать?

– Нет, этот адрес мне отлично знаком. А вы, простите, там теперь живете?

– Живет моя родственница. Вчера переехала. Мы разбирали хлам, оставшийся от предыдущих жильцов, и нашли ваши вещи. Тут еще джинсы, футболка и ботинки. Подозреваем, что ваши. Нам чужого не надо.

– А больше ничего не нашли?

Лариса стала перечислять все, что осталось в кладовке от предыдущих жильцов. Святослав Васильевич попросил до его приезда больше ничего не выбрасывать. Лариса ответила, что за двумя сломанными стульями и коробкой с обувью, отправленными на помойку, мы уже не пойдем, но все остальное пока подержим в квартире. Святослав Васильевич вежливо поблагодарил Ларису, записал ее мобильный телефон, уточнил мой новый домашний (который помнил наизусть!) и распрощался до завтра.

– Кто тут жил полтора года назад? – посмотрела на меня Лариса после того, как повесила трубку.

– Совладелец сети «Колобок», – ответила я.

– Может, они были собутыльниками? – задумчиво произнесла Лариса.

– И что из того?

Я лично думала о том, что этого самого совладельца сети «Колобок» (Олега Галушко, если не ошибаюсь) убили как раз полтора года назад. Или сам убился в автомобильной аварии. Выяснить, сам или не сам, не удалось. А теперь появляется еще и этот Святослав…

– Давай для начала его выслушаем, а потом будем версии строить, – предложила Лариса.

Я согласно кивнула.

Глава 7

Разборку кладовки мы прекратили и дверь плотно закрыли, чтобы неприятный запах не распространялся на всю квартиру. Пусть завтра Святослав изучает хлам, если ему так хочется. А я могу не торопиться. Мы с Ларисой лучше чайку выпьем на моей новой роскошной кухне.

Дети были отправлены спать, так как им в понедельник в школу вставать, а теперь еще вставать раньше привычного времени. Ларисе на работу к одиннадцати, ну а я вообще человек свободной профессии, поэтому мы могли пообщаться подольше.

Но были вынуждены слушать странные звуки из печной трубы, которые я уже прослушала предыдущей ночью.

– Домовой, – однозначно сказала Лариса. – Надо покормить. Да, забыли мы. Ты должна была при въезде в новую квартиру с ним поздороваться, представиться, спросить разрешения жить здесь, а вчера вечером выставить теплого молочка, хлебца, конфетку, рюмку водки… Ты, конечно, ничего этого не сделала.

– Лариса, ты серьезно?

– Ну ты же слышишь?! – Родственница кивнула на печку. – Кто это еще может быть? Давай собирай ужин домовому. Хоть сегодня проставишься. И прощения попроси. Только искренне!

Я сделала все, как велела родственница, мы еще выпили чаю. Она отправилась в мою спальню, а я в мастерскую работать. Посплю на тахте.

Однако до сна было еще очень далеко. Я несколько раз выскакивала в коридор, так как мне опять слышались шаги, к которым теперь добавились еще и вздохи. Это были мужские шаги и мужские вздохи.

Утром я не слышала, как уходили дети и Лариса, а встав с постели, обнаружила пустое блюдце с молоком и отсутствие всех остальных даров домовому. Хотя это мои коты могли постараться в компании с детьми. Но ведь и водка исчезла! Или дети проявили необычное рвение к наведению порядка?

Я поставила вариться суп, потом решила сварить картошку и яйца на салат. Ведь сегодня вечером намечается гость. Нужно будет его чем-то угостить. Латка с тушеным мясом была полна наполовину. Хотя, может, он просто чаю попьет?

Я как раз закончила приготовление обеда, когда появились дети.

– Там внизу дядя Петя, – сообщили мои сокровища.

– Что он там делает? – удивилась я.

Мне пояснили, что дядя Петя привез какого-то своего приятеля для тест-драйва на машине бывшего хозяина нашей квартиры.

– Это какого хозяина? – не поняла я. – Тут их много было.

Мне пояснили, что мужа тети Сони, которая тоже находится неподалеку от нашего дома. Я решила, что и мне следует спуститься вниз и разведать обстановку. Детки пообедают сами.

Я спустилась и в дополнение к трем упомянутым лицам увидела еще одного мужчину, оказавшегося представителем автосервиса. Ключи от машины Сониного мужа были потеряны, и представитель автосервиса как раз занимался ее вскрытием. Оказалось, что Соня сама спросила у Пети, с которым познакомилась у меня, не хочет ли он купить машину. Самому Пете дорогая иностранная легковушка не требовалась (пусть ее и отдавали дешево), а вот один его приятель давно мечтал о чем-то подобном. Договорились о встрече. Мне не звонили, так как не исключали, что я еще сплю.

– Как вам на новом месте? – спросила Соня, пока мы наблюдали за работой автослесаря.

– Мне-то нравится, но вот, похоже, домовой не очень доволен.

Петя с приятелем как-то странно посмотрели на меня. Соня же восприняла мои слова серьезно.

– Я тоже считала, что это домовой, – заявила бывшая хозяйка квартиры. – И его ничем не ублажить! Может, у вас получится?

Автослесарь тем временем справился с задачей, и они на пару с потенциальным покупателем сели в салон и отправились в путь.

Правда, если бы не мастерство автослесаря, который сел за руль для проверки покупаемой машины, они могли бы закончить путешествие в лучшем случае в больнице, а в худшем – на кладбище. Так пострадала только машина.

Пришлось вызывать милицию. Автослесарь сам определил причину такого неудачного заезда: кто-то специально поработал над тормозами.

Только возникал вопрос: когда?

Машину все-таки увезли для проведения какой-то там специальной экспертизы, у Сони тряслись руки, и она была на грани истерики, Петр с приятелем тут же приняли на грудь, представители органов пытались допрашивать всех присутствующих.

Но ведь не присутствующие «играли» с тормозами.

В милиции и прокуратуре, представители которой тоже прибыли на место, помнили и Сонино дело (то есть убийство ее мужа), и историю нашей квартиры. Сотрудники органов пришли к выводу, что с тормозами поработали, пока Сонин муж был еще жив или сразу же после его смерти. Ведь с тех пор на машине никто не ездил. Ее не угнали. Значит, она все это время стояла с испорченными тормозами.

– Но ведь мой муж в ту ночь как-то доехал домой! – воскликнула Соня.

– Его зарезали в подъезде, а те, кто работал с тормозами, не могли предположить такого развития событий. Возможно, ему было суждено умереть в тот день – тем или иным способом. Если бы его ночью не зарезали в подъезде, он утром разбился бы на машине. Хотя мог и не разбиться…

– То есть у вашего мужа были как минимум двое недругов, – сказал уже пьяненький Петя.

– Не факт, – покачал головой следователь. – С машиной, конечно, работали преднамеренно, а в подъезде могла быть и случайность. Хотя, конечно, тот, кто работал с тормозами, не стал бы поджидать его с ножичком в подъезде.

Соня разрыдалась, я повела ее к себе. За нами потянулись Петя с приятелем. Представители органов стали разъезжаться. Собравшиеся зеваки тоже пошли в разные стороны. Из нашего дома я узнала девушку с пятого этажа, которую видела с молодым человеком, рассматривавшим меня как женщину. Но на этот раз девушка была одна. Ко мне не подходила.

У меня на площадке мы встретили Николая, который явно ждал нас у своей открытой двери. Он поздоровался с нами со всеми и поинтересовался, что произошло на улице. Как я поняла, он не видел все с самого начала. Пришлось пригласить его в квартиру и рассказать о случившемся. То есть рассказывал Петя, а я поставила на кухне оставшуюся после новоселья водку и порезала бутерброды. Николай тоже пил водку, но не такими темпами, как Петя с приятелем. И Соня пила и плакала. Я отказалась. Вскоре Соня попросилась прилечь. Я отвела ее в спальню.

Когда вернулась на кухню, Петя спрашивал у Николая про домового. Сосед ответил, что у него никто не живет, никаких звуков он по ночам не слышит, но если я хочу, он может мне разобрать, а потом снова собрать печку. Возможно, где-то образовалась щель или дыра, и там задувает ветер.

Я твердо ответила: нет. Я не хотела ремонта в кухне и вообще где-либо в квартире. Это что же здесь будет-то, если разбирать печку?! Из двух зол я выбирала меньшее. Или, по крайней мере, мне так казалось.

– А вы можете показать точное место, из которого слышится вой? – посмотрел на меня сосед. – В самом верху, посередине, в районе заслонки?

– Пожалуй, сверху, – ответила я.

– Стремянка есть?

Стремянка имелась в кладовке, оставшаяся от кого-то из предыдущих жильцов. Николай сам притащил ее в кухню, мой друг и работодатель Петя, сидевший у самой печи, подвинулся, и они с приятелем, я сама и коты стали наблюдать за Николаем. Дети из своих комнат не появлялись.

Николай принялся простукивать плитки. У него было очень серьезное и напряженное выражение лица. Каждую плитку он простукивал определенным образом – сначала держась на расстоянии от нее, потом прикладывал ухо. Похоже, он знал, что делал. Может, он у себя в квартире так клад нашел? И хочет в моей?! А как мы тогда его будем делить?

Но пока звук у всех плиток был одинаковый – или, по крайней мере, так казалось мне. Приятель моего друга Пети снова разлил водку, но Николай отказался, увлекшись работой.

Наконец одна плитка издала отличный от предыдущих звук, и это поняли все. Николай проверил ее еще раз, потом простучал соседние и объявил, что отправляется за инструментом.

– Но вы же испортите мне вид! – попробовала возмутиться я.

– Зато избавит тебя от домового, – заметил Петя, закусывая очередную рюмку водки.

– Я аккуратно ее выну, потом вы сами можете зацементировать полость, а я вам точно такую же плитку поставлю. Или сами поставите. Главное – умело вынуть, а уж это я как-нибудь сделаю. Подождите две минуты.

Николай на самом деле вскоре вернулся с сумкой на ремне, которую повесил на шею. Сумка была потрепанной и с множеством карманчиков. Вероятно, он часто ею пользовался и точно знал, что где лежит. По крайней мере, стоя на стремянке, инструменты доставал не глядя.

Он на самом деле очень аккуратно вырезал плитку, издававшую отличный от других звук. И замер на месте, тупо глядя в открывшуюся полость.

Я сказала бы, что это был тайник, правда, пустой.

– Ну чего там? – оторвались от водки Петя с приятелем.

Они оба встали, немного отошли от стола, чтобы видеть нужное место, потом Петя сказал, что я могу держать в этом тайнике драгоценности. Я заметила, что у меня нет такого количество драгоценностей, которые можно было бы держать в каком-либо тайнике, да и не стоят мои драгоценности того, чтобы убирать их в тайник. В любом случае все, кроме обручального кольца, которое я никогда не носила даже в период брака, было на мне.

– У вас что, больше ничего нет? – очнулся Николай, оглядывая мои серьги и цепочку с крестиком.

– Мамины серьги и цепочку носит дочь, – пожала плечами я. – С моей работой ни о каких кольцах не может быть и речи.

Я продемонстрировала Николаю свои руки, при виде которых какая-нибудь маникюрша вполне могла бы грохнуться в обморок.

– Да и денег лишних никогда не было на покупку драгоценностей.

Николай в задумчивости почесал голову, потом спросил, что делать с полостью.

– Как вы считаете, это она свистит?

– Не думаю, – покачал головой он. – Это маленький тайничок. Здесь даже никакой трещины нет. До нутра печки тут еще стеночка. Сами взгляните.

Николай засунул руку в полость и постучал.

– Так а что с домовым делать? – очнулся Петин приятель.

– Или всю печку разбирать, или оставить все как есть. Эту полость цементируем?

– Нет, – сказала я. – Поставьте, пожалуйста, плитку на место. Это возможно?

Николай кивнул, извлек из своей рабочей сумки какой-то клей, смазал края, вставил плитку – и вскоре никто уже не мог сказать, где находилась полость.

Правда, я запомнила ее месторасположение. Да и снова простучать можно. Мало ли что.

Николай спустился вниз, в процессе у него в сумке лязгал металл. Он явно был очень расстроен. Вот только чем?

Петя ему тут же налил. Николай молча выпил, не чокаясь и не закусывая. Занюхал рукавом. Он на самом деле очень расстроился!

И ведь он предлагал поработать над моими каминами. И Соне предлагал. И сегодня предлагал разобрать и собрать печку.

– Что вы хотели найти в печке и каминах? – спросила я у Николая прямо.

Он резко дернулся. Я высказала вслух свои аргументы. Петя хмыкнул. Его приятель вроде в одно мгновение протрезвел.

– Что здесь должно храниться?! И не поэтому ли гибли люди, проживавшие в этой квартире?!

Я кричала и разбудила Соню – или она сама уже проснулась. По крайней мере, мои последние фразы она слышала.

– Так… – произнесла она не предвещающим Николаю ничего хорошего голосом.

Потом, пока Николай еще ничего не успел сказать и сделать, Соня схватила его сумку, стоявшую на полу, и перевернула. Из сумки посыпался металл.

Кроме многочисленных инструментов различного предназначения, на пол выпали пистолет и нож-выкидуха, который явно не требовался при починке каминов и печей.

Глава 8

Последовала немая сцена. Первым очнулся Николай и бросился на Соню, назвав ее нехорошим словом. Но и Петя с приятелем не подкачали. Я вовремя отпрыгнула в сторону. Петя рявкнул, чтобы вызывала милицию. Мобильный телефон лежал у меня в кармане, так что я это сделала без труда.

К приезду милиции Николай уже был связан веревками, которых у меня после переезда осталось немало. Выкидывать я их не собиралась. Тем более есть кладовка для хранения. Подумав о кладовке, я вспомнила про документы и о предстоящем сегодня вечером визите некоего Святослава Васильевича. Правда, не стала сообщать об этом ни милиции, ни сидевшим в моей кухне гостям.

Для начала приехали два парня из тех, что недавно появлялись у моего дома из-за аварии.

– Как у вас тут интересно, – хмыкнул один из парней, а увидев пистолет и остальные вещички, вывалившиеся из сумки Николая, стал звонить в прокуратуру, чтобы присылали бригаду.

Нам ребята любезно пояснили, что в сумке Николая хранился расширенный набор взломщика, а самому Николаю сообщили (или напомнили?), что его ждет за хранение огнестрельного оружия. Сосед угрюмо молчал, только с ненавистью поглядывал на нас на всех по очереди.

Следователь был тот же, что и несколько часов назад. Вероятно, это был день его дежурства. Он с большим интересом осмотрел содержимое сумки, его помощник занялся описью, одновременно внимательно слушая мой подробный рассказ, к которому кое-что добавили Соня, Петр и его приятель. Следователь то и дело задавал уточняющие вопросы.

Но, по-моему, и так все было понятно, то есть, конечно, не все, а мотивы действий Николая. Он знал, что в этой квартире что-то спрятано, причем или в каминах, или в печке. Соня его не подпустила ни к тому, ни к другому, а сегодня ему наконец представилась первая возможность осмотреть хотя бы печь. Он явно не собирался с нами делиться, поэтому и прихватил пистолет.

Подумав о том, чем все могло для меня закончиться, я застыла на месте. И ведь в этой же квартире находились мои дети! Сейчас они, правда, даже компьютер забросили. Конечно, тут такие дела творятся!

– И что хотели найти, гражданин Соколов? – посмотрел на Николая следователь.

Николай назвал только свои имя, фамилию, отчество и дату рождения. Отвечать на другие вопросы без адвоката отказался. Милиционеры его развязали и надели наручники. Он не сопротивлялся. Вроде за оказание сопротивления сотрудникам органов при исполнении могут еще накинуть срок?

– Скажи уж, соседушка, не ты ли моего мужа прирезал? – ехидным голосом спросила Соня и повернулась к представителям органов. – Господа, проверьте выкидуху. Если это, возможно, конечно. Но ведь в деле остались и фотографии, и описание ножевых ран на теле моего мужа? Да и с тормозами, наверное, он мог поработать. Раз такой мастер.

Николай угрюмо молчал. Следователь сказал, что они обязательно проверят Николая по всем эпизодам в нашем доме, потом кивнул двум милиционерам, и они увели задержанного. Остался один следователь. Ему явно требовалось заполнить кучу бумаг.

– По каким эпизодам? – спросила я. Соня напряглась. – Что вы имели в виду?

– Не в самом доме, во дворе. Я неправильно выразился.

– Тут кого-то зарезали?! – взревел Петя. – Марина…

– Я советую вам не выходить вечером во двор, – посмотрел на меня следователь. – Вообще я бы всем жителям района это посоветовал. У вас, к счастью, вход с проспекта. Но к помойке ходите только в светлое время суток.

А я вчера ходила как раз вечером! Идиотка!

– Так здесь что, не только моего мужа?.. – тихим голосом спросила Соня.

– Дворника дважды били по голове, потом одного молодого человека, который тут прописан, но не живет, ножичком пырнули. Называется, пришел в гости к отцу. Но жив остался. Он заорал, отец, который его ждал, выскочил, сразу же «Скорую» вызвал. В общем, все закончилось хорошо, только он нападавших не видел.

– Это было до или после моего мужа? – уточнила Соня.

– Значительно раньше. Вы еще тут не жили. Так, дайте вспомнить… Я бы сказал, что вскоре после гибели «колобка» – в смысле совладельца сети, который тут до вас жил. Мы еще, помню, говорили, что хоть его гибель не на нашем районе висит. То есть вроде одно за другим: «колобок» разбился, дворнику по голове дали, парня порезали. А второй раз дворнику уже вроде при вас дали. Или он тогда сам упал. Точно я не помню. Надо проверять.

Рассказав об этом, следователь посмотрел на меня и посоветовал самой простукать все плитки печки и каминов. Тему сменить хочет? Неприятно говорить о провалах в работе? Ведь, как я поняла, нападавших ни в одном случае не нашли.

– А Марине что-нибудь достанется, если она клад найдет? – спросил Петя.

– А Соне? – спросила я.

– Что-нибудь достанется, – улыбнулся следователь. – Оформим как надо.

– Думаете, что здесь столько, что хватит всем? – посмотрела на него Соня.

– Если этот тип так сюда стремился… Я его прокачаю по нашим базам данных. Сейчас пальчики прокатаем – и вперед. Теперь же компьютеры, слава богу. Все быстро. Никаких карточек, никаких многочисленных запросов и ожидания ответа в течение нескольких недель.

Петя напомнил, что в этой квартире в свое время жил вор-рецидивист, умерший где-то на зоне. Квартира была записана на сожительницу, которая ее и продала. Потом был совладелец сети «Колобок», потом Соня с мужем.

Соня с мужем никаких тайников не делали, совладелец сети «Колобок», скорее всего, держал деньги в офшорных зонах или швейцарских банках, но никак не в камине или печке. А вот вор вполне мог. Он не должен был доверять банковским ячейкам. Следовательно, Николай, скорее всего, был подельником вора, умершего на зоне, и теперь желающим получить «наследство».

– И поэтому эта сволочь убила моего мужа?! – закричала Соня, покрывшись красными пятнами. – Из-за каких-то паршивых денег?!

– Соня, успокойтесь! – Я бросилась к ней, Петя быстро накапал валерианки, которая тут же привлекла внимание котов.

– Не факт, – спокойно заметил следователь. – На самом деле это могли сделать какие-то отморозки. Как и в случае с другими людьми во дворе.

– И сегодня он просто так с пистолетом пришел? – напомнила я.

– Предположим, он убил вашего супруга, – следователь посмотрел на Соню. – Но вы-то оставались.

– Да меня же в больницу с кровотечением сразу увезли! Я же сама мужа нашла!

– А кто знал, что так получится? Кстати, квартира несколько дней стояла пустой? В смысле вашего мужа убили, вы были в больнице…

– Что вы хотите этим сказать? – посмотрела на следователя Соня.

– С такими орудиями труда, как я сегодня видел, этот Николай Соколов мог сюда забраться без труда и все осмотреть. В особенности, раз точно знал, что вас нет и не будет. Неужели не осмотрел? Странно… По логике вещей, должен был бы воспользоваться отсутствием хозяев – в тот раз, предыдущий, последующий…

Мой сын, который очень внимательно нас слушал, предложил прямо сейчас отправиться простукивать камины. Мы же видели, как это делал сосед? Нас много, справимся быстро.

– Пошли! – сказала Соня.

Петя с приятелем остались на кухне, заявив, что печку нужно простукать с верху до низу. Мой ребенок со следователем отправились в комнату сына, а мы с Соней – ко мне в мастерскую.

Правда, результаты работы нашей большой группы оказались неутешительными. Все плитки стояли плотно, звуки вроде бы были одинаковыми, даже брака в работе, который бы указал на то, что тут что-то снимали, потом снова ставили, никто не обнаружил.

Настроение у всех испортилось. Петя объявил, что сбегает в ближайший магазин за водкой и вином для дам. Я пока нарезала очередную партию бутербродов. Следователь сказал, что будет «колоть» Николая Соколова. Как я понимала, он явно нацелился на клад – или часть клада. Но я его не осуждала. Судя по виду, он, как и я, всю сознательную жизнь вел борьбу за существование и явно хотел хоть как-то порадовать свою семью.

Но ведь на клад мог нацеливаться и не только он. И не только Николай Соколов. Но ведь вроде бы зарегистрированных взломов не было?

Я спросила об этом вслух. Следователь покачал головой. Он подтвердил, что о квартире идет нехорошая слава из-за гибели всех владельцев (в разных местах

и по разным причинам), но на кражи и просто взломы никто из жильцов никогда не жаловался. Или не хотел ставить органы в известность? Ведь нужно же представлять список украденного. Может, не хотели «светиться».

– А тот вор по чему специализировался? – очнулся Петин приятель. – В смысле: антиквариат, золото или все ценное, что под руку попадется? Можно выяснить, что он украл и что не было найдено? Тогда мы точно будем знать, что тут может быть спрятано. Как говорится, размер имеет значение.

Следователь кивнул и обещал в самое ближайшее время наведаться в гости.

Петя вспомнил про домового, который его почему-то очень заинтересовал, и спросил мнение следователя о странных звуках у меня в печи.

– При вас они были? – Следователь посмотрел на Соню.

Она кивнула и также сказала про шаги и вздохи, которые и я слышала.

– В печи, скорее всего, дыра, – сказал следователь и вспомнил каких-то своих знакомых в доме брежневской застройки, у которых стена кухни одновременно является и стеной шахты лифта.

В том доме меняли лифт – и явно где-то пробили дыру. Теперь, когда ветер дует с определенной стороны, в квартире слышится дикий вой. Когда он прозвучал впервые, обитатели квартиры чуть не подпрыгнули до потолка, собака зашлась истерическим лаем. Теперь все привыкли. Вой слышен на трех соседних этажах. Другие соседи, проживающие по тому же стояку, от него не страдают.

– Скорее всего, вы место не определите, – посмотрел на меня следователь. – Ну, если только, как говорил этот Николай, разобрать и снова собрать печку. Или вообще ее убрать. Но вы же не хотите тут кардинальный ремонт делать?

Я покачала головой, оглядывая печь, которая поднималась до потолка. Кстати, а что с другой стороны? В комнатах, как я говорила, камины работали на два помещения, но у меня крайняя квартира на площадке. С другой стороны жил Николай Соколов, с этой стороны соседей не было.

Хотя нет – здесь примыкает соседний дом. Они же стоят стена к стене, без какого-либо зазора. Но может ли печь работать на два дома? Навряд ли. Хотя кто знает… В Петербурге встречается много странных строительных решений, причем они имели место во все времена. Но все-таки, скорее всего, здесь односторонняя печка, рассчитанная только на эту квартиру. Ведь на ней же еду готовили! То есть не на ней. К ней же плита присоединялась, которую кто-то из жильцов убрал во время ремонта. Или плита работала отдельно? Что мне Соня рассказывала? В любом случае надо будет пройтись по другим соседям, посмотреть, что в какой квартире осталось.

И ведь клад могли найти, когда убирали плиту!

Вероятно, что-то отразилось на моем лице, и собравшиеся у меня на кухне гости попросили поделиться мыслями. Я поделилась.

– Точно! – воскликнул следователь. – Вот и ответ на все вопросы!

– Вы уверены? – посмотрела на него Соня.

– Надо выяснить, кто убирал плиту. Если тот мужик из советской торговли, который коммуналку расселил, то можно понять, почему он быстренько обустроил свою смерть.

– Считаете, что обгорелый труп был не его? – уточнила я.

– Да в большинстве таких случаев обгорелые трупы не те, что должны бы быть, – отмахнулся следователь. – Это если в каком-нибудь бараке пожар – другое дело. А то дело было очень подозрительным.

– У того торговца вроде бизнес хорошо пошел… – стал вспоминать Петя. – Нам рассказывали…

– Мы не знаем, что он нашел и сколько там было, – напомнил следователь. – Может, он решил, что безопаснее будет сразу сделать ноги. И сделал. Если это он, конечно. А вообще интересно! Обожаю старые тайны!

Мне тоже было интересно, но мне еще предстояло жить в этой квартире с двумя несовершеннолетними детьми в отличие от всех остальных. И мне было совершенно не нужно, чтобы всякие подозрительные личности искали клады в моей квартире. Для меня было бы лучше знать, что клад найден. Лучше – до моего появления в этой квартире. И чтобы об этом узнали все заинтересованные лица! Да я сама приглашу журналистов, чтобы они сфотографировали клад, раструбили о нем по всем каналам, радиостанциям и печатным изданиям, и сюда больше никто не лез! Не нужно мне никаких процентов с находки. Мне нужна спокойная жизнь. Судьба и так сделала мне царский подарок в виде этой большой квартиры, в которой у каждого моего ребенка есть по комнате, а у меня и спальня, и мастерская.

Правда, говорят, что за все в жизни надо платить… Получила квартиру – плати нервными клетками. То есть моя задача теперь – найти клад или найти тех, кто его нашел, и…

Как я буду оповещать всех, кто знает о его существовании и ищет?

Кто этот клад тут прятал? Кто о нем знал?

Вопросов было великое множество, ответов не было. Хотя, может, Николай Соколов что-то скажет. Думаю, следователь постарается его расколоть.

– А обыск в его квартире проводить будете? – тем временем интересовался Петя у нового товарища и собутыльника.

– А как же? В самое ближайшее время.

Следователь обещал позвонить двум новым друзьям и как раз пригласить их в качестве понятых.

Вскоре мои гости поняли, что нужно и честь знать, и отбыли. Последней уходила Соня. Выглядела она отвратительно.

– Мне следовало бы догадаться, – сказала она на прощание.

– О чем? – удивилась я.

– О том, что навязчивое предложение услуг соседом – это неспроста. Но мне было не до него. Я тогда была так счастлива…

Глава 9

Стоило уйти гостям, как на кухне за стол уселись голодные дети. Но дети хотели не только есть. Они между собой уже обсудили план действий по поиску кладов, что-то прочитали на эту тему в Интернете и сообщили мне о своих мыслях по поводу возможных сокровищ в нашей квартире.

После простукивания двух каминов и печки можно было сделать вывод, что в них во всех больше нет пустых тайников, подобных вскрытому сегодня Николаем. Но это не значит, что нет заполненных тайников.

– И как только дядьки об этом не догадались? – не понимал мой сын. – Для нас, конечно, хорошо, что не догадались. Но надо быстро искать, пока другие не приступили к поискам. Хотя мы не обязаны их пускать.

– Костя, как ты собираешься искать сокровища? Разбирать камины? Снимать все плитки? Оставь эту бредовую мысль.

Ребенок объявил, что для начала следует осмотреть внутреннюю часть каминов, в которую сегодня никто не заглядывал. Если сокровища не спрятаны снаружи, то вполне могут находиться внутри. Ведь камины же нерабочие? Значит, ничего не сгорело и не расплавилось.

– Кто полезет в камины? – устало спросила я.

– Я, – сказала дочь.

– И я, – сказал сын. – У нас сколько фонариков?

Фонарик был один. Ребенок попросил меня завтра купить еще парочку, а лучше выделить ему средства, чтобы он сам купил «какие нужно». Я решила, что проще выделить.

– Мама, а как ты думаешь, что спрятано в нашей квартире? – спросила дочь.

Я пожала плечами. В этот момент раздался звонок в дверь.

– Это кто еще? – спросили дети почти хором.

Я же совсем забыла, что должна приехать Лариса, а потом некий Святослав Ковалев. Ведь столько всего сегодня случилось!

– Идите встречать бабушку, – ответила я, правда, сама тоже вышла в коридор – на тот случай, если это не бабушка.

Но, на мое счастье, первой все-таки приехала Лариса, которой с порога детки выдали свою версию сегодняшних событий. Лариса встретилась со мной взглядом, быстро разделась, помыла руки и пришла на кухню, где я как раз заканчивала резать салат. Лариса попросила бутерброд с колбасой и сказала, что есть мы с ней будем с Ковалевым (если он нормальный) или после его ухода (если он нам не понравится).

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/zhukova-gladkova_mariya/sokrovische-prizrakov

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити